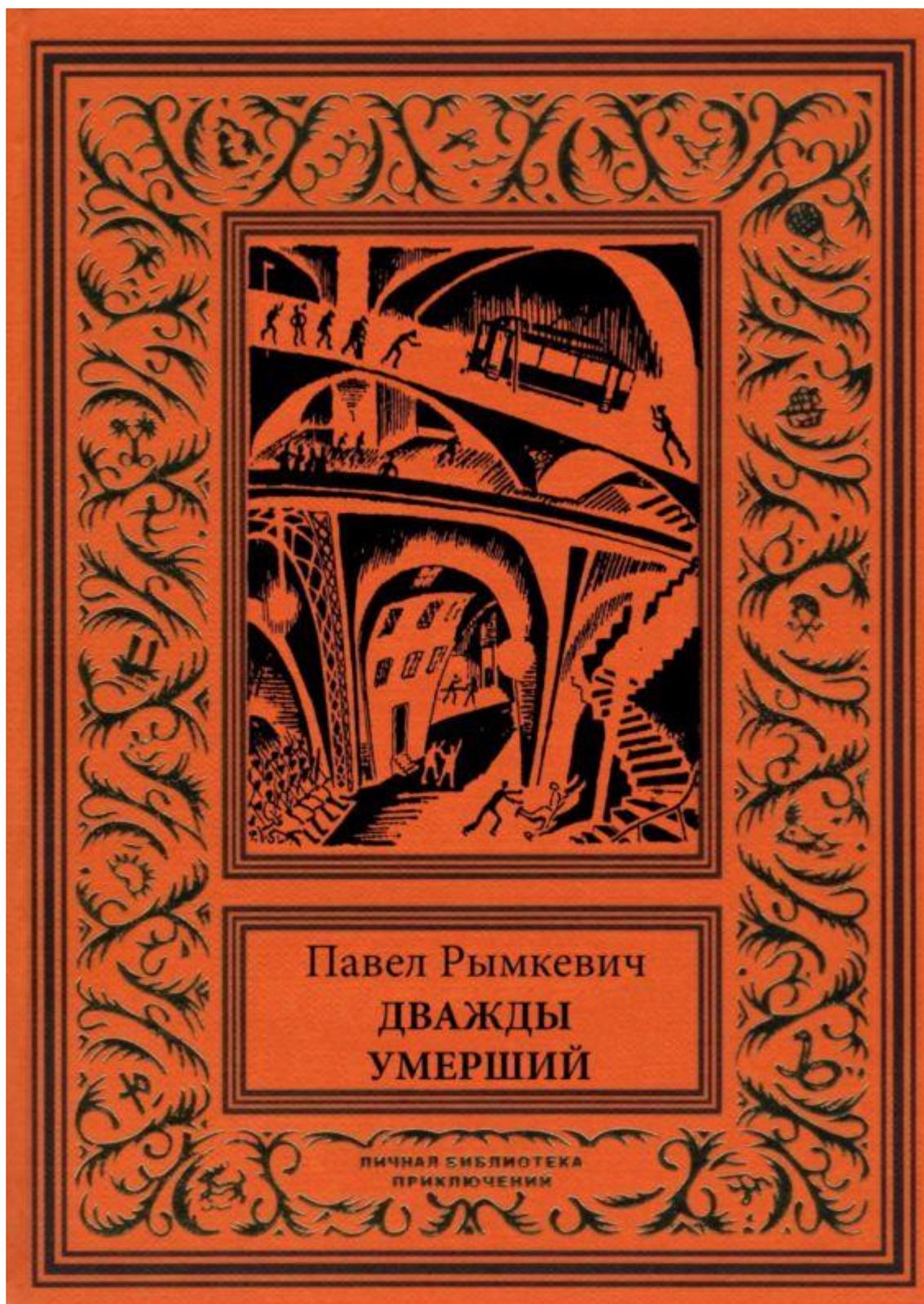

**Павел Адамович Рымкевич
Дважды умерший**

**Павел Рымкевич
ДВАЖДЫ УМЕРШИЙ
Рассказы**

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2019

ПАВЕЛ
РЫМКЕВИЧ

**ДВАЖДЫ
УМЕРШИЙ**

Фантастические
Рассказы из журналов «Юный
пролетарий», «Мир
приключений» и «Друг
радио».

ОТКРЫТИЕ ГАМИЛЬТОНА ДЖОНСА

I

Замечательный опыт

Большая физическая аудитория университета была переполнена.

Мягкий бледно-розовый свет расположенной высоко под потолком люстры ласково скользил по амфитеатру склоненных над пюпитрами голов.

В воздухе плыл хаос звуков – сдержанный шёпот стариков, беззаботная болтовня молодежи, шелест перелистываемых книг...

Звонок председателя – и мгновенная тишина зачаровала зало.

На кафедре появился высокий, несколько сутуловатый старик с сухим бритым лицом. Это – профессор Гамильтон Джонс, один из славнейших современных ученых.

– Уважаемое собрание, – начал он, немного взволнованным голосом, двадцать два года работал я над разрешением одной очень важной проблемы. Иногда мне казалось, что я уже счастливо справился со своей задачей, но дальнейшее не оправдывало моих предположений; минутами отчаяние овладевало мною; я бросал свои бесконечные опыты и брался за другой научный вопрос, а затем, успокоившись, вновь принимался за работу. Последние годы я думал, что не доживу до счастливого дня окончания своих изысканий... Но судьба смилостивилась надо мной и вот сегодня я могу смело сказать вам, что работа двадцати, двух лет удачно закончена.

Я поставил своей целью добиться возможности радиопередачи энергии на расстоянии.

Еще в конце прошлого столетия немецкий физик Герц познакомил нас с электромагнитными волнами, а русский, профессор Попов и итальянец Маркони воспользовались ими для устройства телеграфа без проводов, т. е. впервые стали применять передачу энергии на расстоянии, правда в весьма малых количествах.

При этом приемной станции достигала ничтожная доля той энергии, которую излучила в пространство станция отправления.

В 1916 году Маркони и Франклин начали свои знаменитые опыты по радиопередаче короткими волнами. Их «радио прожектор» дал им возможность в 24-м году телеграфировать без проводов из Англии в Австралию. Суть дела в том, что при старом, обычном способе радиопередачи, волны расходились во все стороны и, места назначения достигала лишь ничтожная доля отправленной энергии. Маркони и его товарищ, заставляли свои короткие волны отразиться от металлических рефлекторов и собирали их в пучок почти параллельных лучей. Потеря энергии от рассеяния была устранена. Но отправляемые ими количества энергии были ничтожны¹.

Я нашел способ передачи энергии большой мощности с ничтожно малыми потерями. Мои скромные, работы несомненно помогут несколько изменить к лучшему условия жизни на нашей планете. Вместо передачи по дорогостоящими кабелям, отныне можно будет

¹ От установки в 10 киловатт на расстоянии 1000 километров приемный аппарат получает лишь около одной десятиллионной ватта.

получать дешевую энергию, в любом месте земного шара от мощных радиостанций, использующих естественные силы природы – водопады, реки, стремительно несущие свои воды, приливы и отливы.

Эту энергию легко можно будет преобразовать для приведения в движение всевозможных машин, для целей освещения, отопления и т. д.

Гамильтон Джонс умолк. В аудитории было тихо, сотни глаз были устремлены на профессора.

– Я продемонстрирую вам маленький опыт, продолжал ученый. – На столе перед вами небольшая динамо-машина, приводимая в движение газовым мотором. В другом конце зала вы видите электродвигатель, обладающий приблизительно такой же мощностью, как и газовый мотор. – Смотрите... Я заставляю работать мотор – электродвигатель тоже начинает вращаться и поднимать кверху тяжелый груз... Передающий и приемный механизмы скрыты в этих небольших ящиках и разделены пространством в 10 метров... Я останавливаю мотор – электродвигатель в свою очередь перестает работать... Что это?

Гробовая тишина сменилась громом рукоплесканий, криками восторга.

Бледные, взволнованные люди спешили подойти к ученому, лично выразить ему свой восторг.

II

Секретарь мистера Томкинса

Гарри Флитон стоял у окна, прижимая к стеклу пылающее лицо.

Доклад, Гамильтона Джонса, того самого профессора Джонса, у которого еще в прошлом году Гарри сдавал экзамен в университете...

Чудесное открытие ученого... Его сказочные опыты... Как изменится и удешевится наша жизнь! Канут в вечность голод, холод, бедность!..

Но вдруг волна острой тоски сжала сердце Гарри. Как тяжело, как обидно, что пришлось бросить университет. Ведь Флитон был одним из любимейших учеников профессора Джонса... Быть может, ученый взял бы его в число сотрудников для своих замечательных работ. Подумать только – передача энергии без проводов!.. Какой переворот в промышленную жизнь земного шара.

Да, так сложились дела... Умер отец, мать и сестра остались без всяких средств. Пришлось бросить научные занятия и искать заработка. Один из друзей отца рекомендовал Гарри мистеру Томкинсу, королю «железных дорог»... Прощайте лекции, занятия в лаборатории! Молодой человек служит личный секретарем знаменитого миллиардера.

Гарри открыл окно. Улица засыпала. Шумная днем, она была тихой и спокойной в ночные часы. Прохладный воздух освежил молодого человека.

– Надо ложиться спать, – подумал он, – ведь завтра в семь, утро, придется опять приниматься за обычную работу!

Гарри приготовил постель и начал снимать сапоги.

Вдруг до его слуха донесся из внутренних комнат какой-то шум.

Странно... Томкинс регулярно ложился спать в одиннадцать, вместе с ним засыпал

весь дом... А между тем этот шум в час ночи... Неужели воры?

Молодой человек достал из письменного стола револьверу и бесшумно ступая на чулки, вышел из комнаты.

В коридоре он остановился и прислушался. Шум явственно, несся из кабинета Томкинса.

Через две минуты Гарри достиг приёмной. Дверь в кабинет была приоткрыта, и желтая полоса света перерезывала ковер.

Из-за двери слышался голос самого Томкинса.

– И так, мистер Аткинсон, вы будете у меня через час?.. Отлично... Кого я еще пригласил? Мистера Пинча, мистера Крайта... Что?.. Старик Робертсон?.. Да, и он будет... Словом, соберутся все наши...

Гарри застыл в недоумении... Значит в кабинете его хозяин... По-видимому, разговаривает по телефону с мистером Аткинсоном, крупным банкиром, нажившим себе состояние во время империалистической войны 1914–1917 г.

Гарри хотел немедленно же уйти в свою комнату, но его поразили дальнейшие слова Томкинса...

– Да... Этот вопрос необходимо срочно разрешить... Так или иначе, а Гамильтона Джонса необходимо обезвредить. Его открытие грозит нам крахом... Ну, еще бы... я понимаю, что вы встревожены... Итак, вы будете аккуратно... Ну, хорошо... так... так...

Услышав шаги Томкинса, молодой человек быстро спрятался за портьеру.

Миллиардер потушил электричество и быстро прошел к себе в спальню.

Как быть? Что делать? Необходимо подслушать разговор капиталистов и предупредить Джонса о замышляемом против него... Но ведь спрятаться в приемной слишком рискованно...

Вдруг счастливая мысль осенила Флитона.

– У меня в комнате стоит мой самодельный ламповый приемник... Включу его как усилитель...

Бесшумно пробравшись в кабинет, он нащупал в темноте стоявший на столе комнатный телефон. Делом одной минуты было подsunуть под рычаг, ша котором висела трубка три сломанные пополам спички.

Теперь микрофон включен в цепь. Остается только пробраться в швейцарскую к коммутатору и соединить мой комнатный телефон с телефоном Томкинса.

III

Подслушанный по радио разговор

Дрожащими руками включил Гарри лампы и прижал трубку приемника к уху.

– Если мы быстро не примем самых решительных мер и не сумеем устранить Джонса, нас всех ожидает беда, – говорил Томкинс. – Возможность передавать в неограниченном количестве энергию по радио, сделает ненужными все наши городские электрические

станции. Электрическая энергия будет передаваться без всяких проводов и потерь непосредственно с мест ее добычи у рек водопадов и т. д. Мы не сможем конкурировать с этим более дешевым способом передачи и все наши дорогостоящие установки будут обречены на погибель. А железные дороги? Кто станет ездить на них, когда гораздо проще будет воспользоваться электровозами, снабженными приемными рамками, с помощью которых они будут забирать энергию... Простой и дешевый способ передвижения...

– Я добавлю еще, что уже завтра утром, когда газеты разнесут весть об открытии Джонса, – акции нашего Нью-Йоркского треста сильного тока вдвое или втрое упадут в цене, – прохрипел мистер Аткинсон. Его голос был хорошо знаком Гарри.

– Ваши слова подчеркивают необходимость действовать крайне быстро, – снова заговорил Томкинс, – Первое, что нужно сделать, это заняться прессой, а это уже по вашей части, мистер Пинч – вы гений по части обработки общественного мнения.

– Во всех крупных утренних газетах завтра же появится сообщение о докладе Джонса и разъяснение, что его открытие не может играть никакого практического значения; его опыты исключительно лабораторного характера и не применимы для больших расстояний и мощностей.

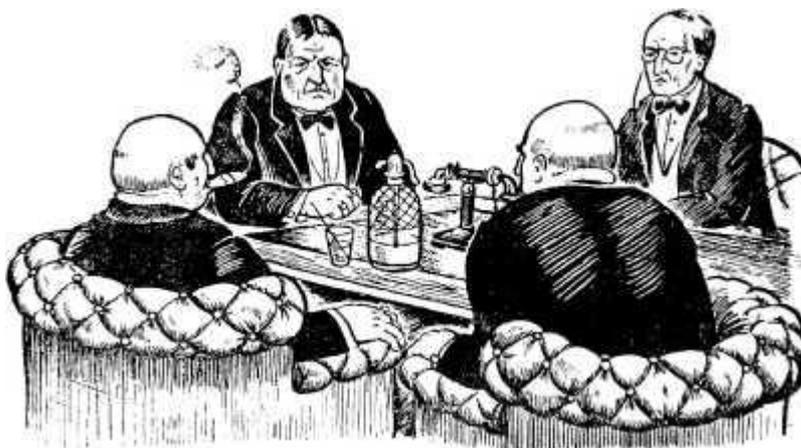
– Но будет ли это достаточно сильно?

– Можно также пустить клевету и обвинить Джонса в шарлатанстве, – предложил Пинч.

– Это, несомненно, лучше!

– Но обработка прессы – вещь не дешёвая...

– Конечно расходы будут общие... Мы все берем на себя... О, да, разумеется, – зашумели капиталисты.

– Теперь дальше, – продолжал Томкинс. – Вы, мистер Крайт, должны озаботиться, чтобы кое-кто из правительства Соединенных Штатов поддержал нас в нашей борьбе. Среди министров есть крупные акционеры треста сильного тока и железнодорожных обществ. Они конечно, не менее нас заинтересованы в ликвидации этого опасного открытия.

– Будет сделано, – лаконически ответил Крайт.

– Отлично. Если никто не возразит, я возьму на себя труд при помощи моих ребят из Ку-Клукс-Клана временно убрать Джонса.

Почувствовав, что против него ведется газетная компания и, поняв отношение правительства, он может улизнуть из Америки в Советскую Россию и сделаться для нас недостижимым...

– Нельзя ли за большие деньги заставить Джонса отказаться от его открытия, – снова прохрипел Аткинсон.

– А чем вы заплатите Джонсу? Его открытие стоит дороже всяких денег. Он может заработать на нем колоссальные суммы. Кроме того, я знаю этих фантазеров ученых, для них благо человечества и подобные красивые идеи не оцениваются на золото.

– Пусть мистер Томкинс поступает, как найдет нужным!
– Делайте по своему усмотрению!..
– Очень хорошо. Будьте покойны, я сумею справиться с Джонсом... Может быть, он и совсем исчезнет... навсегда... Тогда отпадут расходы на подкуп газет. Мистер Робертс должен обещать мне, что полиция при розысках пропавшего Джонса не нападет на верный след.
– О, да, будьте вполне спокойны!
Гарри опустил трубку, быстро оделся и направился к выходу.
К профессору!..

IV

Гамильтон Джонс покидает Нью-Йорк

Через пол часа Флитон стучал у ворот невысокого дома на бульваре Бульфинча, где помещалась лаборатория Гамильтона Джонса.

Профессор и его лаборант Ньюкомб еще не ложились.

Несколько удивленный таким поздним посещением своего бывшего ученика, ученый вышел, однако, к молодому человеку и предложил ему сесть.

– Рассказывайте, в чем дело... По-видимому, важная причина вызвала ваш ночной визит?

От быстрой ходьбы Гарри тяжела дышал...

– Против вас, профессор, организован заговор... Во главе Томкинс, «король железных дорог»... затем Аткинсон, Пинч, Крайт и другие... Ваше открытие испугало банкиров... как же... передача энергии по радио... становятся не нужными городские электрические станции, железные дороги... Вашей свободе и, даже жизни грозит опасность. Томкинс не остановится ни перед чем... Простите, я, кажется, говорю бессвязно, но я так взволнован...

Гарри выпил один за другим два стакана воды и, немного успокоившись, начал подробно рассказывать о слышанном им разговоре банкиров.

– Какая низость!.. Бесчестные люди! – несколько раз прерывали речь Флитона потоки гневных слов Ньюкомба.

Старик Джонс молча курил.

– Мы еще посмотрим, чья возьмет! – вырвалось у него, когда Гарри кончил. – Со мной не так легко справиться, как они думают.

– Но, увы, на стороне Томкинса деньги, а ведь это у нас в Америке самое главное, – продолжал Гарри. Я слишком молод, чтобы советовать вам, но на вашем месте я немедленно бы покинул на время Нью-Йорк. Необходимо выждать, посмотреть удастся ли Томкинсу его затея... Не следует забывать, что вчера на докладе было свыше трехсот человек, все они видели опыты и являются, конечно, вашими горячими сторонниками. Рисковать же жизнью не следует... Зачем подставлять свою грудь ударам ножа убийцы из Ку-Клукс-Клана.

– Нет, я не брошу своей лаборатории!

– А между тем осторожнее будет временно оставить Нью-Йорк.

– Да, дорогой профессор воспользуйтесь советом мистера Флитона, чем бесполезно рисковать жизнью, поддержал лаборант Гарри.

Через полчаса горячего спора ученый согласился с доводами молодых людей.

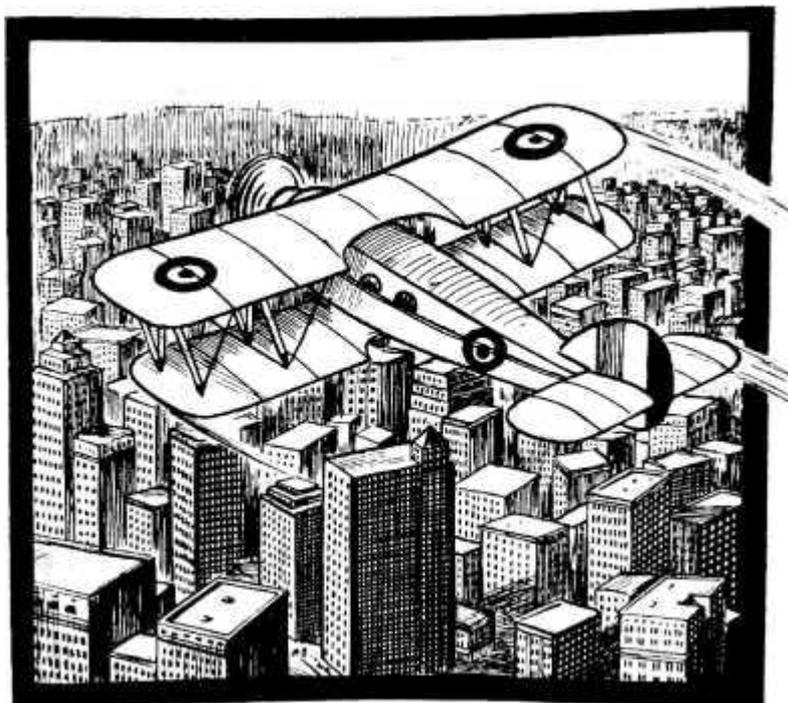
– Я буду жить в Балтиморе², в гостинице «Виктория». Сдайте все наши приборы на хранение в физическую лабораторию университета и выезжайте вслед за мной, – были последние слова Гамильтона Джонса своему лаборанту.

Затем он еще раз горячо поблагодарил Гарри, и докинул дом, где у него впервые

² Балтимор – один из крупнейших городов Сев. Амер. Соединенных Штатов (Штат Мериленд) находится на северном берегу реки Ратапско, впадающей в Чезапикский залив.

возникла мысль о великом открытии, и где оно было доведено до блестящего конца.

А еще через полчаса аэроплан Джонса, весело поблескивая в лучах восходящего солнца, быстро уносил учёного по направлению к Балтимору.

V

Разгром лаборатории

– Мистер Ньюкомб! Мистер Ньюкомб!

– А... в чем дело? – произнес, потирая глаза лаборант.

Проводив профессора, он начал разбирать на части один сложный прибор, но не будучи в состоянии бороться с овладевавшей его дремотой, опустил в кресло и сразу же забылся долгим, тяжелым сном.

– Что такое? – Что вам нужно от меня, Ват?

– Там пришли студенты, целая депутация; хотят видеть профессора, – отвечал разбудивший Ньюкомба сторож.

– Передайте им, что профессор чувствует себя нездоровым и никого не принимает.

Сторож вышел из комнаты и вскоре возвратился назад.

– Они не уходят, сэр. Говорят, что хотят поздравить профессора с его открытием.

– Но профессор никого не принимает...

– Я так и сказал... они настаивают на своем – подай им профессора! Уж вы сами поговорите...

– Ну ладно проси их сюда.

В комнату вошло человек десять студентов.

Лаборант окинул их внимательным взором.

– Странно, все незнакомые лица. Ни один из них, насколько я помню, не работал в физической лабораторий нашего университета.

– Мы хотели лично видеть профессора, – произнес один из вошедших.

– К сожалению, это неисполнимо, профессор болен. Если что нужно – передайте мне.

– Наши коллеги подносят профессору адрес, они поручили нам вручить его лично...

– Оставьте адрес у меня, будьте покойны, я не присвою его себе.

– Но мы хотим передать его профессору в собственные руки...

– Тысячу раз вам повторять, что ли, что профессор болен и никого не принимает, – вспылил Ньюкомб. – Как вам угодно, или оставьте адрес мне, или унесите его с собой.

– Так вот он как с нами разговаривает! Ребята, хватай его!

Через мгновение Ньюкомб был связан так, что веревка врезалась в тело, в рот ему был засунут платок.

Лежа на диване, Он видел, как фашисты, – Ньюкомб понял, что эти лжестуденты были фашисты, работавшие по поручению Томкинса и банкиров, – метались в поисках за ученым.

– Где Джонс? – грубо спросил Ньюкомба предводитель шайки, вынув у него изо рта платок.

Лаборант не отвечал.

– Куда запрятался старик? – повторил грабитель.

Ньюкомб стиснул зубы и решительно молчал.

– Ты не хочешь отвечать, так вот же тебе, вот... вот...

Удара один за другим обрушились на лаборанта.

В глазах молодого человека запрыгали разноцветные круги, и он потерял сознание.

Как бы сквозь сон, слышал он шум и стоны Вата... Потом его поволокли куда то, а затем все потонуло в черном тумане.

VI Ньюкомб в плену

Ньюкомб тяжело застонал и открыл глаза. Болела голова и ныло все тело.

Он лежал на голом бетонном полу. Высоко под сводчатым потолком горела крохотная электрическая лампочка, ее слабый, тусклый свет создавал жуткий полумрак.

Ньюкомб шевельнул рукой. Ничто не препятствовало движению, следовательно, веревок не было. До боли прикусив губу, чтобы не стонать, он встал и, пошатываясь, дошел до серой, покрытой масляной краской, стены.

Опираясь рукою на стену, молодой человек обошел комнату – метров двадцать в длину и десять в ширину.

В помещении не было никакой мебели. Сводчатый потолок говорил о том, что это подвал.

«Какое счастье, что профессор успел покинуть Нью-Йорк, иначе его ждала бы такая же участь, – подумал Ньюкомб. – Однако, что они будут делать со мной? Неужели убьют?»

Обойдя еще раз свою тюрьму, Ньюкомб решительно остановился у двери и начал стучать в нее.

– Эй, кто там... есть кто-нибудь тут живой?

Через несколько минут у потолка раздался шорох, и в образовавшемся небольшом круглом отверстии показалось лицо в маске.

– Благоволите сообщить, где находится в настоящее время Гамильтон Джонс.

– А вы благоволите объяснить, кто вам дал право так поступать со мной. Я не оставлю безнаказанно этого дела! Вы ответите перед законом... Сейчас же отпустите меня!..

Замаскированный презрительно засмеялся.

– Вот не думал услышать от вас угрозы.

– Эй, вы, грабитель и убийца, я требую, чтобы сейчас же меня отпустили?..

– Послушайте, Ньюкомб, вы напрасно теряете время. Ваш крик все равно никто не услышит, а на бранные слова я не обращаю внимания. До тех пор, пока вы не откроете местопребывание Джонса, вам придется посидеть в этом «салоне». Добавлю, что я не дам вам ни воды, ни пищи.

– Вы не посмеете!..

– Посмотрим. Итак, выбирайте сами – или исполнение моего требования, или голодная смерть.

– Я отказываюсь отвечать.

– Тогда вы умрете от голода и жажды, – спокойно заметил замаскированный. Но не думайте, Ньюкомб, что своим молчанием мы спасете Джонса. Не пройдет нескольких дней, как мы сами отыщем профессора. Ваше сообщение только облегчит поиски и уменьшит расходы.

– Я не желаю разговаривать с бандитом.

– Тем хуже для вас. Через два часа я снова приду сюда, может быть, к тому времени вы образумитесь.

Отверстие наверху захлопнулось.

Ньюкомб начал бешено колотить руками и ногами в дверь. Никто не отзывался в ответ.

Четверть часа продолжался этот приступ бешенства, затем лаборант бессильно опустился на пол.

Через два часа отверстие в потолке снова открылось, и показалось лицо замаскированного незнакомца.

– Ну, как? Сообщите вы, где находится Гамильтон Джонс? Ньюкомб сидел на полу, прижавшись спиной к стене. На лице его не дрогнул ни один мускул. Казалось, он не слышал обращенных к нему слов.

– Вы не желаете отвечать. Отлично, очень хорошо... Посидите здесь без воды и пищи, надеюсь, жажда и голод сделают вас более разговорчивым. Прощайте.

VII

Еще один подслушанный по радио разговор

– Флитон, позвоните на биржу, справьтесь о цене Мексиканских нефтяных паев.

– Слушаю, сэр...

– Флитон, вызовите заведующего нашим отделением в Нью-Джерси.

– Будет исполнено, сэр.

Гарри отправлял пакеты, наводил справки, звонил по телефону. Работа кипела.

В дверь кабинета Томкинса постучали.

– Можно!

– Вас хочет видеть мистер Аткинсон, сэр, – произнес вошедший лакей.

– Просите. А вы, мистер Флитон, потрудитесь съездить на биржу и передать нашему агенту Кроксу распоряжение о продаже облигаций Чикагского Коммерческого банка.

Гарри вышел из кабинета, встретив в дверях Аткинсона.

«Они, конечно, будут говорить о Джонсе, вот почему Томкинс решил удалить меня, – подумал молодой человек. Необходимо, однако, услышать их разговор».

С быстротою молнии Гарри вбежал в свою комнату и приложил к уху трубку от радиоприемника.

Кабинетный телефон по-прежнему был включен в радиоусилитель, и Гарри имел возможность подслушать любой происходивший там разговор.

– Куда же вы запрятали лаборанта? – услышал Флитон хриплый бас Аткинсона.

– Знаете мои подвалы, где я одно время хранил золото? Теперь я перевез его в другое, более надежное место... Так вот в одном из этих подвалов сидит лаборант. Он пока упорствует, но думаю, что скоро у него развяжется язык. Что? Какие меры я предпринимаю? Просто не даю ему пищи... Это прекрасное средство...

Гарри с негодованием сжал кулаки.

Однако, необходимо было спешно и аккуратно исполнить поручение, дабы не возбудить подозрения Томкинса. К тому же разговор капиталистов перешел на другую тему.

Молодой человек оставил трубку радиотелефона и быстрыми шагами направился к лестнице.

– Сегодня же ночью я попытаюсь спасти бедного Ньюкомба.

VIII Ночью

Часы пробили двенадцать.

Гарри надел мягкие войлочные туфли, положил в карманы пакет со съестными припасами, бутылку воды и флягу виски, тщательно осмотрел револьвер, взял в руку электрический фонарик и направился в кабинет Томкинса.

В знаменитых Томкинских подвалах, где «король железных дорог» когда-то хранил золото, Гарри не был ни разу. Но он знал, что туда можно проникнуть из кабинета Томкинса через находившийся под ковром люк.

Вот уже Гарри у дверей кабинета... В комнате горит электричество, ковер снят с полу и лежит свернутым в углу.

В полу зияет отверстие. Молодой человек опустился на колени и подполз к нему. Вниз вела металлическая лестница. Гарри смело начал спускаться...

Помещение, в котором он очутился, представляло небольшую, лишенную мебели, комнату. Через раскрытую дверь видно было смежное зало, откуда доносились звуки.

Гарри подошел ближе к двери и начал внимательно осматриваться.

Посередине пола было вделано несколько колец, которые, по-видимому, служили для открытия отверстий в потолках подвалов, где капиталист когда-то хранил золото.

В отдаленном конце зала, с фонарем в руках, стоял Томкинс. Он потянул за одно из колец, надел маску и наклонился над отверстием.

– Как вы себя чувствуете? По-прежнему не хотите разговаривать?.. Отлично... Не желаете ли покушать? Что угодно: телячьи котлеты или яичницу, а может быть вас больше прельщает пудинг? Скажите, где находится Джонс, и все это будет к вашим услугам... Но вы предпочитаете молчать... Ну, как угодно...

Томкинс захлопнул отверстие крышкой и направился из зала. Быстро подскочил Гарри к лестнице, поднялся в кабинет и спрятался за спинкой дивана.

Банкир постоял минуту в раздумье и, тяжело дыша, направился в спальню.

Как только его шаги замерли в отдалении, Гарри был уже у кольца от камеры, где томился узник.

– Ньюкомб, слышите вы меня? Это я, Гарри Флитон, пришел спасти вас.

– Как профессор? Дайте мне пить, я безумно хочу пить!..

– Думаю, что профессор жив и здоров. Вот вам вода... я спускаю бутылку на бечевке... держите... только не пейте все сразу... а вот продукты. Когда кончите кушать, привяжите бутылку и пустую корзинку к бечевке, и я подниму назад... Ну, вот, отлично, теперь поговорим о вашем бегстве...

– Большое спасибо! Не знаю, как и благодарить вас!

– Теперь не время говорить об этом. – Томкинс может вернуться каждую минуту... Я думаю вытащить вас через этот люк... другого доступа в подвал я не знаю. Как только Томкинс покинет дом, я немедленно же приду за вами.

IX Плоды работы Пинча

Опустившись на центральном аэродроме Балтимора, Гамильтон Джонс нанял автомобиль к гостинице «Виктория».

Там он назвал себя мистером Смитом (кажется, первый раз в жизни ученый сказал неправду), наскоро закусил, прошел в предоставленный ему номер и завалился спать, несмотря на то, что было еще очень рано.

Бессонная ночь накануне, путешествие и волнения надорвали его силы.

Проспав часов двенадцать, профессор встал на следующее утро с совершенно свежей головой.

В общем зале было еще мало народу. Гамильтон Джонс заказал себе завтрак и потребовал газеты. На первой странице одной из крупнейших местных газет он прочел следующее:

Таинственное исчезновение профессора Джонса.

Во вчерашнем номере нашей газеты было помещено сообщение об открытии, якобы сделанном профессором Джонсом.

На заседании физического общества Джонс выступил с докладом о возможности передачи энергии без проводов и даже демонстрировал опыты. Как мы уже сообщали, эти опыты заставили заподозрить ловкий обман.

Узнав об оценке его «работ», сделанной во вчерашних газетах, ловкий «профессор» счел за благо скрыться бегством вместе со своим лаборантом Ньюкомбом. В помещениях, занимаемых Джонсом, царит страшный беспорядок, – видно, что они спешно покинуты.

Постовой полисмен, заметив, что ворота во двор и двери лаборатории Джонса открыты, заподозрил неладное и вошел в помещение. В передней он натолкнулся на труп сторожа Вата.

Невольно задаешь вопрос, не связано ли убийство сторожа с поспешным бегством «ученых».

Кстати, уместно упомянуть, что в физической лаборатории университета обнаружено исчезновение целого ряда приборов, коими пользовался Джонс.

Надеемся, что полиция примет самые энергичные меры к выяснению тайны исчезновения «профессора» и его «лаборанта».

Побледневший, как смерть, Гамильтон Джонс несколько раз перечитал газету.

Сомнения не было... Продажная пресса начала самую гнусную травлю. Мистер Пинч действительно оказался мастером своего дела...

Первой мыслью ученого было немедленно направиться в ближайший полицейский участок, назвать себя и доказать непричастность к убийству Вата. Затем он решил подождать возвращения Ньюкомба и предварительно узнать от него о положении дел в Нью-Йорке. Судя по газетной статье, молодой человек тоже покинул лабораторию.

Очевидно, впереди ожидало еще немало сюрпризов... Мистер Томкинс не стеснялся в средствах борьбы.

X Опять радио

«Несомненно, кто-то предупредил Джонса, иначе трудно объяснить его внезапное исчезновение, – размышлял, шагая взад и вперед по своему кабинету, Томкинс. – Кроме того я подозреваю, что мой пленник получил откуда-то пищу и питье. Когда я заглянул сегодня утром в его камеру, то был поражен его бодрым и даже веселым видом, тогда как накануне вечером он, видимо, сильно страдал от жажды... Кто же это может быть? Лакеи? Горничная?

Флитон? Гм... Несомненно, что кто-то из домашних... Попытаемся выяснить, где он мог скрываться, подслушивая мои переговоры с представителями заинтересованных трестов... Может быть, остались какие-нибудь следы».

Томкинс начал внимательно рассматривать каждую мелочь в комнате. Заглянул за портьеры, посмотрел за диваном и письменным столом, подошел к телефону.

– Ага, вот в чем секрет! – воскликнул он, вытаскивая спички из-под рычага телефона. – Отлично, будем бороться с врагами тем же оружием.

Томкинс спустился вниз и приладил под рычаг комнатного телефона, находящегося вблизи камеры, где находился Ньюкомб, пару спичек.

– Теперь будем приниматься за обычную работу, – прошептал он, – после обеда я сообщу всем домашним, что уезжаю на несколько часов в клуб, а сам запрюсь в спальне. Мой радиоприемник поможет мне обличить изменника.

Томкинс позвонил.

– Позовите ко мне мистера Флитона. – сказал он лакею, – мы начнем нашу обычную работу.

XI Два выстрела

День тянулся томительно медленно. Бесконечно долгими казались Гарри часы занятий у Томкинса.

Молодой человек был против обыкновения чрезвычайно рассеян, перепутал хорошо известный ему номер телефона «Унион-банка», несколько раз ошибался, подсчитывая денежные суммы, и даже забыл отправить один важный пакет.

Томкинс заметил странное состояние своего секретаря.

– Вы, вероятно, влюблены, Флитон. Только влюбленные так рассеяны, – сострил он, ядовито улыбаясь.

Неоднократно косился Гарри на ковер, покрывавший люк.

– Наша сегодняшняя работа кончена. Вы свободны до завтра. После обеда я отправлюсь на весь вечер в клуб, – произнес, наконец, Томкинс, взглянув на часы.

Гарри облегченно вздохнул.

* * *

Прошло три часа.

У отверстия в потолке камеры стоит Гарри и тянет веревку.

«Хорошо, что я занимался спортом и обладаю сильными мускулами, – думает он, – в противном случае не вытянуть было бы мне Ньюкомба».

Еще одно усилие, и голова лаборанта показалась из люка.

– Ура!.. Спасен!..

Молодые люди обняли друг друга.

– Я никогда не забуду того, что вы сделали для меня. Я ваш друг на всю жизнь!

– Мерзавец! Змея! Теперь я знаю, кто предупредил Джонса! – закричал Томкинс, в гневе бросая на пол трубку радиоприемника. – Скорее, скорее. Надо немедленно же наказать изменника!

Молодые люди, уже подходившие к выходу из зала, вдруг увидели Томкинса, направлявшего на них револьвер.

Не растерявшийся Гарри мгновенно загасил фонарик и также схватился за револьвер.

Почти одновременно прозвучали два выстрела.

Пуля Томкинса пролетела на сантиметр от головы Гарри и, ударившись в противоположную стенку, вырвала оттуда кусок цемента.

Выстрел Гарри был более удачен. Томкинс упал, из его груди лилась кровь.

* * *

Через несколько минут Томкинс умер.

– Что же нам делать... Что делать? – бессвязно бормотал Ньюкомб. Губы его дрожали, как в лихорадке.

Часто нервный подъем сменяется апатией и резким упадком сил. Нервничавший весь день Гарри был бледен и, в противоположность Ньюкомбу, сравнительно спокоен теперь, когда наступила такая трагическая развязка.

– Я думаю, что звук выстрела не был слышен наверху, и никто не придет сюда. Пойдемте, я провожу вас до выходной двери и выпущу на улицу... Рекомендую как можно скорее нанять аэроплан и направиться в Балтимор. Газеты полны нападок на Джонса, на него и на вас возводят самые нелепые обвинения...

– У меня есть хороший приятель, имеющий несколько аэропланов. Он быстро отвезет меня в Балтимор. Я хочу предложить своему учителю покинуть Америку и бежать в Советскую Россию... Борьба здесь немыслима. Ведь, если бы не вы, я бы погиб в этом каменном гробу...

– Не будем терять времени и поспешим...

– Но что вы сделаете с трупом?.. Ведь вас могут заподозрить в убийстве.

– От судьбы не уйдешь. Завтра утром я сам подниму тревогу. Скажу, что, явившись в кабинет Томкинса за поручениями, я нашел сдернутый ковер и раскрытый люк для спуска вниз, здесь же я обнаружил труп... Впрочем, до утра еще много времени, я успею все спокойно обдумать и уничтожить наши следы.

– Но если подозрение все же падет на вас, знайте, что я возьму вину на себя, ибо в действительности я причина случившегося.

Крепко пожав друг другу руки, Ньюкомб и Гарри направились к лестнице.

На другой день, едва занималась заря и пробуждался гигантский город, гоночный аэроплан мчал Ньюкомба в Балтимор.

XII Отречение

Часы проходили один за другим, а между тем Ньюкомб не приезжал. Взволнованный Джонс нервно шагал по комнате, беспокойные мысли тревожили ученого. То ему казалось, что Ньюкомб убит, и перед глазами стоял бледный труп молодого человека, то приходило в голову, что лаборант арестован... Решетчатое окно – и из него выглядывает знакомое исхудалое лицо...

Наконец, профессор не выдержал и решил вернуться в Нью-Йорк, чтобы лично выяснить причину отсутствия лаборанта и дать отпор оклеветавшим его бесчестным врагам.

Он позвонил лакею, попросил подать счет и потребовал автомобиль.

– На центральный аэродром!..

Медленно двигался автомобиль, – на улицах жизнь была ключом, и тысячи всевозможных моторов препятствовали быстрой езде. Ежеминутно профессор высовывался из окна и торопил флегматичного шофёра.

Вот наконец и аэродром. В ангаре № 16 был оставлен на хранение аэроплан ученого.

Едва только Джонс успел попросить заведующего ангаром вывести воздушное судно, уплатил причитающиеся с него деньги и вышел из конторы, как его внимание привлекли быстро направлявшиеся к нему два полисмена.

– Вы профессор Гамильтон Джонс?

– Да, я.

– Потрудитесь следовать за нами. Вот приказ о вашем аресте.

Краска стыда залила лицо ученого. Дрожащими руками он развернул бумагу и,

убедившись в том, что приказ действительно касается его, молча кивнул головой.

Тот же самый автомобиль доставил ученого назад в гостиницу «Виктория».

– Если вы обещаете не покидать своего номера, то я освобожу вас от постоянного присутствия полисмена, – заметил сопровождавший его полицейский комиссар.

– Хорошо, я готов дать согласие... Но долго ли мне придется пробить здесь?

– Не больше суток. Мы уже отправили депешу по радио в Нью-Йорк.

* * *

– Мистер Джонс!

– Мистер Блекфорд!

Ученый радостно приветствовал своего школьного товарища, к которому до сих пор питал дружеские чувства. Блекфорд служил в министерстве Юстиции и занимал крупное место.

Встреча друзей произошла утром на следующий день после ареста Джонса.

– Чем вызван мой арест? Что произошло в моей лаборатории, где Ньюкомб? Что значат нападки на меня прессы? – посыпались вопросы ученого.

– Увы, мой друг, газетные сообщения отчасти основаны на действительных фактах... На другой день после того знаменитого доклада в физическом обществе ваша лаборатория была найдена покинутой и в страшном беспорядке, в одной из комнат полисмены нашли труп сторожа. Производивший следствие полицейский чиновник натолкнулся на улики, которые заставили подозревать, что преступление совершено вами.

– Быть этого не может!

– Конечно, я не сомневаюсь, что вы совершенно не причастны к убийству, но истинные виновники преступления подстроили все таким образом, что подозрение падает на вас. В руке убитого обнаружена пуговица от вашей рабочей блузы, сама же блуза со следами крови была найдена в кухонном очаге.

– Какая низость! Я совершенно невинен!..

– Повторяю, что и я не сомневаюсь в этом, но в руках следствия собраны очень веские улики...

Помолчав несколько минут, чтобы дать Джонсу хотя немного успокоиться, Блекфорд продолжал:

– Мой сегодняшний приезд имеет целью передать вам ультиматум министра отказаться от своего открытия и подписать бумагу с признанием ошибки. В случае согласия, дело об убийстве сторожа и исчезновения из лаборатории университета ценных приборов будет замято и ваше доброе имя восстановлено.

– А если я не соглашусь?..

– Тогда обвинение в преступлениях, публичный процесс и, вероятно, электрический стул... Я выполнил свое официальное поручение и буду говорить теперь, как ваш старый и преданный друг. Нужно признать себя побежденным. Против вас действуют слишком сильные враги, они не остановятся ни перед подкупом свидетелей, ни даже перед убийством из-за угла.

– Но где мой лаборант Ньюкомб? Он может выступить свидетелем моей полной непричастности к убийству.

– Ньюкомб исчез. По-видимому, его убили ваши противники.

– Бедный, бедный юноша!.. Пусть будут прокляты убийцы!.. А я... Я никогда не найду покоя, ведь он пострадал из-за меня...

– Вы сами видите теперь, что силы слишком неравны. Надо соглашаться на поставленные условия.

– Но как же я буду жить без своей обычной работы... Ведь придется бросить университет... Я не смогу показаться там после всего случившегося.

– Могу посоветовать вам поселиться где-нибудь в Южной Америке или даже

переехать в Европу... Вот чек на пятьдесят тысяч долларов – эти деньги обеспечат вам безбедное существование... Что касается научной работы, то никто не мешает вам продолжать ее, только придется оставить опыты по вопросу о передаче энергии на расстояние...

– Хорошо, я подумаю... Спасибо за доброе отношение ко мне... Но теперь оставьте меня одного... Через час я решу...

* * *

Когда через час Блекфорд вошел в номер гостиницы, ученый сидел, крепко сжав руками наклоненную над столом голову.

– Я согласен... Давайте бумажки... Я подпишу все, что надо, – говорил он, с трудом сдерживая рыдания.

XIII

Слишком поздно

Вечером в номер гостиницы «Виктория», занимаемый Гамильтоном Джонсом, ворвался Ньюкомб.

– Учитель, вы здоровы?.. Скорее, скорее... Мой аэроплан ждет на аэродроме... Летим в Сан-Франциско, а там мы пересядем на судно, отправляющееся в Советскую Россию.

– Поздно... Слишком поздно...

– Но что случилось?

Когда профессор дрожащим от волнения голосом рассказал Ньюкомбу о своем отречении от великого открытия, молодой человек начал убеждать ученого нарушить данное слово и, переселившись в Россию, продолжать работы.

– Что значит обещание, данное под угрозой смерти?.. Не будет никакого преступления не выполнить его!..

– Гамильтон Джонс всегда держал свое слово, – гордо отвечал старик. – Пусть от меня отняли мое честное имя, но в своем собственном сознании я остался прежним... И то, что я обещал, то будет исполнено...

Молодой человек понял, что бесполезно дальше убеждать ученого, и молча поник головой.

* * *

Через год в одном из маленьких городов Южной Америки состоялись скромные похороны человека, когда-то бывшего одним из знаменитейших ученых и умершего в полной неизвестности.

За его гробом шли только двое: Гарри, поступивший в университет после того, как, за отсутствием улик по обвинению в убийстве Томкинса, его выпустили, и Ньюкомб, сделавшийся видным революционером.

Медленно двигалась печальная процессия, везя к последнему жилищу того, кто держал в своих руках великую научную тайну.

ТАК ПОГИБЛА КУЛЬТУРА

1

Да здравствует Кресп Астр!

Громадная площадь перед «Дворцом Знания» была полна шумной, разноголосой толпой. Конные милиционеры с трудом сдерживали натиск волн человеческого моря, стараясь сохранить свободной узкую полосу мостовой, по которой один за другим быстро проносились автомобили. Машины останавливались у подъезда дворца, изящно убранного флагами и причудливо изогнутыми трубками, наполненными дрожащими волнами света.

Шел к концу пятый день грандиозных торжеств, устроенных в честь победного, окончания Витанией долгой, упорной войны с другой могущественной республикой Парсом.

Тегра, столица Витании, залита морем огней, и, несмотря на то, что уже давно погас последний солнечный луч, на площади перед дворцом светло, как днем.

В воздухе реют тысячи разнообразных, ярко освещенных воздушных судов. На нижней поверхности многих из них светящимся составом наведены отливающие золотом буквы «К. А.».

Вот один из маленьких аэропланов начал быстро описывать замысловатые петли в воздухе, выбрасывая блестящую струю каких-то паров.

Отчетливо обрисовалась буква К, затем Р, Е, С...

– Кресп Астр!.. – Да здравствует Кресп Астр! – прокатился гул голосов.

На балкончике «Дворца Знания» появился бледный человек невысокого роста, с усталым, но веселым и улыбающимся лицом.

– Ура!.. Ура!.. Слава великому Кресп Астру!.. Да здравствует Кресп Астр! – бесновалась толпа.

Вдруг резкий звонок заставил замолкнуть приветственные голоса.

Кресп Астр поспешно удалился с балкона.

Наступила напряженная тишина.

На особых опорах, высоко над землей, почти на уровне крыши «Дворца Знания» был натянут гигантский экран, над которым располагался рупор.

Взоры десятков тысяч людей устремились туда.

Один за другим гасли феерические огоньки, украшавшие дворец и смежные здания, дабы их свет не мешал видеть изображения на экране.

Снова раздался звонок, и на экране появилась фигура известного ученого, президента Академии Наук.

– Объявляю открытым заседание, посвященное чествованию инженера Кресп Астра, – ясно прозвучал его голос.

Высокий, несколько сгорбленный старик быстрыми шагами пересекал площадь.

Услышав слова президента, он нахмурил брови и еще ускориł шаги. Энергичным

движением он предъявил какой-то жетончик милиционеру, попытавшемуся его задержать у входа во дворец, и устремился по покрытой коврами лестнице в зал заседаний.

2

Речь президента Академии Наук

В зале заседаний, за столом, покрытым красным бархатом, восседает президиум из семи лиц.

С трех сторон высоко уходят вверх, расположенные амфитеатром, скамейки для участников торжества, получивших почетное приглашение. Кого только тут нет! Все крупные государственные деятели, знаменитые военачальники, ученые, видные литераторы, художники, представители различных учреждений и организаций... Последние ряды скамеек тонут под самым потолком; сотни фигур, сливаясь вместе, образуют как бы сплошную живую стену.

– Рут Торри!.. – прокатился шепот множества голосов при входе старика в зал.

Одни из сидевших в первом ряду встал и почтительно уступил место.

Члены президиума переглянулись, и беспокойство отразилось на их лицах.

Кто же такой был старик, если его приход произвел столь сильное впечатление на участников торжества?

Выдающийся ученый и философ, обогативший человечество многими крупными открытиями, он, кроме того, получил широкую известность, как проповедник мира и заклятый враг войн. Многим из присутствовавших на заседании было хорошо памятно грандиозное революционное движение, вызванное обращением Торри к солдатам Витании во время одной из многочисленных войн, лет за двадцать до описываемых событий. Мятеж был жестоко подавлен, ученый исключен из числа членов Академии Наук, лишен профессорского звания. С тех пор Торри жил совершенно одиноко, аскетом-отшельником, всецело отдавая пауке. Но время от времени, когда старик не мог сдержать накопившегося на сердце, слышались его пламенные слова и появлялись в печати протестующие статьи. Правительство Витании боялось принимать решительные меры, зная, как велико обаяние личности ученого. Терри был слишком популярен в народе, чтобы с ним можно было обращаться, как с простым мятежником.

Только что перед появлением Торри поднявшийся на кафедру для произнесения первой приветственной речи президент Академии Наук, увидев ученого, почувствовал смущение, но быстро оправившись, начал твердым голосом:

– Был день, напоминавший мрачную ночь... Зловещие свинцовые тучи покрывали небесный свод, яростно бросали они потоки воды на прогневившую их землю; рыдал ветер, наполняя сердца острой тоскою; где-то далеко заговорил гром, но вот все ближе и ближе грохочущие звуки и наконец над нашей головою раздастся оглушительный залп; стальное лезвие молнии перерезывает мглу и несет с собой смерть и разрушение. И кажется, что уже никогда не придется нам увидеть ясной небесной лазури... Но что это? Как по волшебству, прекращается гром. Огненное Солнце разгоняет спешащие спаситься бегством обрывки туч и воздвигает сверкающий мост-радугу.

Светлое и радостное настроение... Слава великому победителю тьмы – прекрасному Солнцу!..

– Четыре года тому назад мы вынуждены были начать войну с нашим могущественным соседом – республикой Парсом.

Несмотря на героические усилия наших войск, мы медленно отступали, теснимые численно более сильным противником. И вот, в самый тяжелый момент, когда правительство было уже готово на заключение постыдного мира, появился Кресп Астр, подобный солнцу в самом разгаре грозы. И, как могучее светило рассеивает тучи, так Кресп Астр изгнал с нашей земли торжествовавшего победу врага. Он предложил применить, как средство борьбы, изобретенные им душливые газы. Неожиданно, как снег в ясный летний день, обрушились

мы на парсиан и начали химическую войну. Ничего не подозревавший неприятель был ошеломлен, раздавлен, уничтожен. Парс согласился на тяжелый для него мир.

– Праздную победу, мы сегодняшней день торжеств посвящаем чествованию нашего спасителя. Да здравствует Кресп Астр!.. Да живет вечно его имя и памяти витанийцев!..

– Да здравствует Кресп Астр! – грянули ряды амфитеатра.

– Да здравствует Кресп Астр! – донесся мощный раскат могучего голоса толпы с площади.

И долго, потрясая своды «Дворца Знаний», гремел гул:

– Слава Кресп Астру!..

Много раз раскланивался Кресп Астр перед собранием, неоднократно появлялся он на балконе – все не хотели успокоиться витанийцы.

Выждав, когда воцарилась, наконец, тишина, оратор вновь заговорил:

– Наша победа есть торжество знания над грубой физической силой! Пусть же процветает наука в Витании для блага нашей страны и на погибель врагам!..

– Да будет проклята наша наука, создавшая удушливые газы, – вдруг резко прозвучал старческий голос, перебивая витиеватую речь оратора.

По залу прокатился шепот:

– Рут Торри... Рут Торри...

Один из сидевших за столом позвонил в колокольчик.

– Мы чествуем сегодня в лице Кресп Астра не только благодетеля нашей страны, – продолжал, повысив голос, оратор, а...

– Убийцу, – перебил его Торри.

Снова зазвенел колокольчик.

– Предлагаю, во избежание скандала, Руту Торри покинуть зал заседаний!

– Я не уйду отсюда... Я требую, чтобы мне разрешили высказаться!..

И как-будто безумие овладело присутствующими.

– Пусть говорит Рут Торри... Рут Торри... Предоставьте слово Руту Торри! – кричали они.

– Председатель... пусть продолжает председатель... Да здравствует Кресп Астр!.. Уведите Торри!.. – требовали другие.

Скамьи амфитеатра задрожали от бури голосов. А с улицы также плыл хаос звуков:

– Торри... Слово Руту Торри... Кресп Астр... Требуем... Долой председателя!.. Пусть говорит Торри!..

Видя невозможность продолжать речь, оратор сошел с кафедры и подал знак группе милиционеров, стоящих у двери.

– Рута Торри хотят арестовать... Не смейте!.. Требуем... Пусть говорит Торри!..

Сотни людей устремились вниз со своих мест. Около Тори закипела борьба. Вот его высоко подняли и понесли к кафедре.

Стоял невероятный шум. Кто-то вырвал звонок из рук председателя и начал звонить.

– Тише... тише... Рут Торри будет говорить.

– Долой! Пусть кончает президент...

– Молчите... Тихо...

На некоторых скамьях происходила борьба – это сторонники Торри принуждали молчать его противников.

Постепенно шум стихал.

Бледный председатель встал и принялся протестовать, но, видя множество людей, окружавших президиум и недружелюбно смотрящих на него, быстро опустился на место и начал что-то шептать на ухо торопливо записывавшему секретарю.

Рут Торри стоял на кафедре.

Огнем горели острие, сверкающие глаза на обтянутом морщинистой кожей, старческом лице. И было в их взоре нечто могучее, вдохновенное и прекрасное.

Рут Торри заговорил

– Безумцы! Жалкие, слепые безумцы! – начал Рут Торри, и тяжело, словно удары молота по наковальне, звучали его слова.

Безумцы! Жалкие, слепые безумцы! – начал Рут Торри.

– Вы радуетесь победе над Парсом... изобретению удушливых газов. Действительно, есть чему радоваться... славное, хорошее дело... Тысячи людей не по своей воле были брошены на бойню. Инженер Кресп Астр направил на них ядовитый газ... Люди, мечтавшие у себя в окопах о скором окончании войны, о счастливом возвращении к родным семьям, очутились в атмосфере ужасных газов... Я вижу, как они мучаются, корчатся в судорогах... Изобретатель Кресп Астр уничтожил более миллиона невинных людей... Множество разлагающихся трупов, обезображенных страшными язвами... А ведь они такие же люди, наши братья... У них оставались дома близкие, родные... Подумайте об этом и громко приветствуйте вашего героя... Да здравствует Кресп Астр! Что же вы молчите?..

Старик опустил голову, вздохнул, задумался.

И, как зачарованное, молчало собрание. Молчали бледные члены президиума за своим столом, покрытым красной бархатной скатертью, молчал уходящий вверх амфитеатр, молчало море голов на площади. Там тоже с помощью радиоаппарата слышалось каждое слово ученого, и была видна на экране его вдохновенная фигура.

– Безумцы! Опьяненные победой, вы мечтаете о долгой, спокойной жизни впереди... А там, в истерзанном Парсе протягиваются тысячи рук, шлют нам проклятья и мечтают о мести... Слышите ли вы о мести?.. А разве не может появиться у них свой Кресп Астр? Он изобретет еще более сильный удушливый газ. Парсиане неожиданно нападут на нас, произведут страшное опустошение или даже совершенно уничтожат Витанию...

Ученый снова замолк, и опять было тихо и в зале, и на площади.

– Мой взор рисует кошмарную картину недалекого будущего. Бесперывные, ужасные химические войны...

Разрушенные города, целые страны, сметенные с поверхности нашей несчастной планеты... Наука и техника работают исключительно на военные нужды... Все больше и больше упадок культуры...

– Наша история более или менее достоверно охватывает период времени в полторы-две тысячи лет. О том, что было три-четыре тысячи лет назад, знаем мы очень мало. Дальше –

океан неизвестного... А ведь человечество существует на Земле сотни тысяч лет. Неужели вы думаете, что культура все время развивалась непрерывно, и люди шли на пути знания только вперед и вперед?

– В природе нет ничего непрерывного, а все совершается толчками. Я убежден, что значительное развитие человеческого знания часто влекло за собою периоды застоя и упадка науки... Мы сейчас стоим близко к поворотному моменту. Нам суждено или значительно подняться наверх или снова резко упасть вниз. Химическая война повлечет за собою последнее.

– Да... Быть может, десять-пятнадцать тысяч лет назад существовали люди, обогащенные более значительными знаниями, чем те, которыми обладаем мы, но войны заставили их опуститься вниз по лестнице культуры... Кто сможет утверждать, что это не повторялось уже много раз?

– Тот говорил передо мною, прославляя науку, создавшую ядовитые газы. Я же проклинаю эту науку. Пусть гибнет она, предназначенная для минутной победы одной страны и порабощения другой!..

– Работа ученых должна быть направлена для облегчения жизни всего человечества, для покорения природы, подчинения ее нашей воле. Да служит наука для созидания, а не разрушения!..

– Пусть сотрутся границы между отдельными странами, пусть человечество образует единую общую семью и заживет мирной, счастливой жизнью!

– Я вас лишаю слова! – вдруг резко прозвучал голос президента Академии Наук, председателя собрания.

– Пусть говорит Торри!.. Долой председателя... продолжайте, Торри! – загремел гул протестующих голосов и тотчас же замолк, когда старик поднял руку.

Резким и неожиданным был этот переход от беспорядочного шума к полному безмолвию.

– Я верю в торжество свободной человеческой мысли, и грядущее светлое братство народов, – продолжал Рут Торри. – Я знаю, что или мы, или наши потомки добьются этой счастливой жизни...

– Уйдите же теперь отсюда! Сорвите с домов свои цветы и пестрые флаги, загасите праздничные огни... Надо плакать о загубленных человеческих жизнях, трепетать перед возможностью грядущих грозных событий... Надо бороться с войной во имя интересов единой, общечеловеческой семьи!.. Я кончил.

Рут Торри сошел с кафедры и медленно направился к выходу из зала заседаний.

В течение нескольких секунд царило гробовое молчание, затем началось движение. Одни бросились вниз, чтобы выразить свое сочувствие Торри, пожать ему руку, другие, молча, опустив глаза; стараясь не смотреть друг на друга, спешили покинуть «Дворец Знания».

Напрасно звонил председатель, прося присутствующих занять свои места и продолжать заседание, напрасно...

Толпа наиболее горячих приверженцев Торри окружила его тесным кольцом. Старика подняли и понесли на руках.

Вот торжественное шествие появилось на площади...

Люди, незадолго перед этим приветствовавшие Кресп Астра, теперь рукоплескали Торри.

– Ура, Торри!.. Да здравствует наш великий учитель!..

Многие устремились к «Дворцу Знания» и смежным, роскошно убранным зданиям и начали срывать флаги и украшения. Местами происходила энергичная борьба.

Один за другим прибывали на площадь отряды милиции и войск. Вот раздался залп в воздух. Конные милиционеры оттеснили толпу...

Торри, окруженный наиболее горячими приверженцами, был уже в одной из боковых улиц. Старик попросил, чтобы его спустили на землю.

4

Морской волк

– Пропустите меня. Мне нужно видеть ученого! – раздался около Торри чей-то настойчивый голос, и, минуто спустя, коренастый человек, с темным, загорелым лицом, прорвался через кольцо, окружавшее Торри.

– Пропустите меня, мне надо видеть, ученого!..

Он схватил в свою громадную лапу узкую руку ученого и начал яростно трясти.

– Я так спешил... плыл на всех парах. Столько препятствий... рифы, то бишь, толпы народа... Хотел пожать вам руку... уж очень, справедливо вы говорили, – бессвязно сыпал слова запыхавшийся и взволнованный незнакомец.

– Я тоже был во «Дворце Знаний». Сидел, знаете, наверху... Как смог скоро выплыл из гавани, очень боялся вас не догнать... Ах, да... забыл сказать, кто я... Прис Паус, матрос торгового судна «Векс».

Рут Торри улыбнулся и ласково кивнул головой.

– Я не ученый человек, – продолжал, немного успокоившись и отдышавшись, моряк, – и никогда ничего не слышал о ранее существовавшей на Земле, но уже погибшей культуре... еще более высоко развитой, чем наша... Ваши слова навели меня на мысль... Дело в том, что месяца два назад пришлось нам стоять у острова Краутри (нынешняя Великобритания), и должен был я спуститься в водолазном костюме на дно моря, недалеко от берега. И вот нашел я там один странный предмет, металлический цилиндр, такой, примерно, длины. – Моряк раздвинул руки на расстояние 20–25 сантиметров. – Ну, взял я его с собой, но не знал, что делать.

Открыть не удалось, сколько ни бился – очень твердый металл...

Знаете, что пришло мне в голову, когда я услышал ваши слова? Не мог ли остаться этот предмет, как памятка человечества минувшей эпохи?.. По окончании речи я побежал за вами... Уф... если позволите, я поплыву теперь полным ходом к себе в каюту, то-есть на квартиру, где живу, и привезу «его» вам... Хотите?

И не дожидаясь ответа, моряк снова прорвался через толпу, окружавшую Торри, и быстро побежал.

5

Загадочный цилиндр

Дома! Наконец, дома, в любимом кабинете, окруженным сотнями книг и рукописей,

таких близких и родных...

Рут Торри ходил взад и вперед по кабинету. Мысли его были полны впечатлениями событий во «Дворце Знания».

– Бедные, слепые кроты! Они не сознают, что стоят на краю пропасти, – шептал он. – Но, как мне убедить их, чем смогу я доказать правильность моих теорий о многих случаях упадка культуры, которые уже имели место в истории и были вызваны аналогичными причинами? Химическая война погубит все наши научные достижения.

– Можно? – раздался за дверью голос, и в комнату ворвался красный, покрытый потом Прис Паус. Он положил на стол около старика завёрнутый в бумагу цилиндр и, неуклюже поклонившись, устремился к двери.

Вздрогнувший от неожиданности, Рут Торри не успел что-либо сказать, как уже на лестнице раздались торопливые, удалявшиеся шаги.

Ученый взял в руки цилиндр, рассмотрел его, задумчиво покачал головою.

– Надо исследовать. Кто знает, может быть, моряк оказался прав, и я найду здесь ценное для науки, – прошептал он.

Старик тщательно очистил цилиндр, по-видимому, долго пролежавший на дне моря, от различных осадков, покрывавших его толстым слоем, и, когда, наконец, обнаружил металлическую поверхность, соскоблил с нее в стеклянную пробирку немного металла.

Из шкафа, где хранились различные химические реактивы, он брал то один, то другой. То наливал что-то в пробирку, то фильтровал какой-то раствор, то производил нагревание.

– Цилиндр сделан из платины! – воскликнул Рут Торри через полчаса упорной работы. – Вот почему он смог сохраняться в течение долгого времени.

– Конечно, он внутри полый, – добавил ученый, взвесив цилиндр на руке.

Осторожно, дабы не попортить то, что могло находиться внутри загадочного хранилища, Рут Торри начал распиливать цилиндр.

«Дз... дз...» – взвизгивала пилка.

Крак! – и цилиндр распался на две половинки.

Бережно извлек ученый свернутые в трубочку листы рукописи. Несмотря на то, что они были сделаны из какого-то вещества, значительно более плотного, чем бумага, и сохранялись в герметически закупоренном платиновом сосуде, время сделало свое, и листы рассыпались от одного прикосновении старика.

Первый и второй листы обратились в труху. Третий и четвертый сохранились лучше, хотя истерлись следы написанного на них. Начиная с пятого листа, можно было различить какие-то знаки, образующие, по-видимому, слова и целые фразы.

Усиленно забило сердце ученого. Не лежит ли в его руках вестник минувшего, свидетель давно забытой культуры?

Сколько веков прошло с тех пор, как автор этой рукописи закупорил свой труд в металлический конверт?.. Восемь, а может быть десять или более тысяч лет?.. Какова судьба этого послания? Быть может, оно было первоначально зарыто в землю, сердитые волны размывали берега, и цилиндр очутился на дне моря. Быть может, грозные геологические процессы извлекли это письмо из земных недр и услужливо предложили Прис Паусу, старому морскому волку.

6

Так погибла культура

Два месяца непрерывно работал Рут Торри, разбирая загадочную рукопись. Два месяца провел он почти без сна, забывая о пище.

И вот, наконец, тайна древних писем разгадана, и ученый может приступить к систематическому переводу.

Первые четыре листа уничтожило безжалостное время, и только пятый и дальнейшие могли служить материалом для перевода.

Вот что прочел на них Рут Торри:

«...Я изложил причины возникновения войны между Англией и Францией и историю постепенного вовлечения в нее других государств. Теперь перехожу к событиям последних дней.

На окраине Лондона расположен гигантский аэродром, построенный еще в 1930 году. Тридцать две причальных башни для дирижаблей, высотой в 100 метров, и сто восемьдесят площадок для спуска и подъема вертолетов и аэропланов.

Все это было приспособлено для военных целей. Отсюда вылетали воздушные эскадры для опустошения вражеских территорий.

Двенадцать раз пытался наш воздушный флот уничтожить Париж, но напрасно – столица французов превосходно охранялась. Вчера была сделана тринадцатая попытка. С нетерпением ожидали мы возвращения наших отважных летчиков... Через три с половиной часа они вернулись. Париж больше не существовал. Уже раньше Франция была почти совершенно уничтожена. Эта победа довершила ее окончательное поражение.

Поздно ночью мы получили сигнал о появлении на востоке большой неприятельской воздушной эскадры. Наши летчики вылетели ей на встречу. Прошел час, другой – они не возвращались. В это время радиосигнал сообщил нам о неприятельском воздушном флоте на западе. Оставшиеся в небольшом числе сторожевые суда ринулись отражать врага. Их храбрый порыв окончился неудачно. В четыре часа 40 минут утра, соединенные американская и итальянская эскадры появились над Лондоном. Это был последний день великого города. Таков, видимо, закон справедливости.

Я люблю свой родной город. Серый, туманный, холодный Лондон близок моему сердцу. Я здесь родился, здесь и умираю... Впрочем, я еще жив, но уже близится неизбежный конец...

Мысли беспорядочно суетятся в моей голове. Я, кажется, начинаю терять рассудок...

Ах, да... надо описать, как это было...

Я находился на вершине причальной башни № 17 и отправлял радио-депешу союзникам, когда раздался первый оглушительный взрыв.

Неприятельский воздушный флот находился на громадной высоте. Он, вероятно, состоял из автоматов-аэропланов без летчиков, управляемых с большого расстояния электромагнитными волнами... С воздушных судов автоматически сбрасывались снаряды, начиненные обращенным в жидкость, ядовитым газом, обозначаемым на войне знаком „2 X“.

Никакие предохранительные маски, надеваемые на лицо, и даже целые костюмы не могут спасти от разрушительного действия ужасного газа. Он проникает через мельчайшие поры тканей и несет людям мучительную смерть. Трупы умерших раздуваются и покрываются зеленоватыми язвами.

Мне приходилось раньше видеть погибших таким образом французов... А там, в Вестенде лежат в таком же ужасном, обезображенном виде моя жена и обе малютки... Еще вчера, уходя на дежурство, я держал их на руках... Слезы душиают меня. Я не могу писать. Впрочем, и меня ждет та же участь...

Под влиянием газа „2 X“ все металлы окисляются, за исключением платины и еще нескольких. Я не химик и не знаю состава газа, но особенно меня поражает то действие, которое он производит на почву. Земля размягчается и обращается в жидкую кашу. Фундаменты вследствие этого расползаются, что влечет за собою разрушение всех построек.

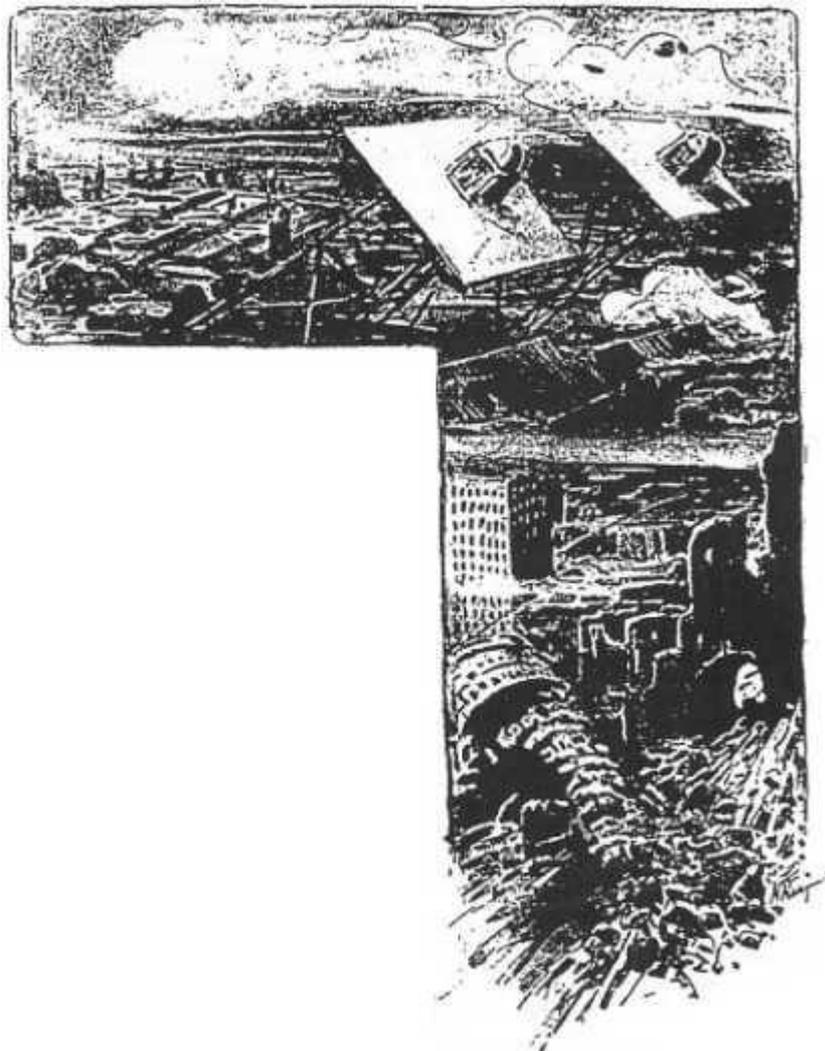
Газ покрывает землю слоем в 10–12 метров, но ведь от него нельзя спастись в верхних этажах зданий... Люди гибнут или раздавленные разрушающимися строениями, или их мучительно убивает газ.

Через несколько минут после услышанного мною первого взрыва, начали падать снаряды и на наш аэродром. Со страшным треском падали массивные причальные башни. Зловеще затряслась и начала падать и моя башня. Я потерял сознание...

Когда я очнулся, то оказалось, что я лежу в углу своего помещения, придавленный массивным столом, где стояли радиоаппараты, большинство коих было поломано и разбито.

Потирая ушибленные места, я поднялся и с трудом дополз по полу, принявшему наклонное положение, к окну...

Я увидел развалины города, покрытые густою зеленою пеленой.

...Я увидел развалины города, покрытие густою зеленою пеленой...

Внимательно оглядевшись, я понял причину своего временного спасения. Падая, башня встретила своей нижней частью препятствие в груде обломков от разломанною ангара, и задержалась, приняв наклонное положение.

Лестница для спуска вниз сплющена. Я очутился пленником на высоте 15 метров от поверхности земли. Ужасные газы не доходят до этой высоты, и я временно сохранил жизнь... Но моя гибель – вопрос времени. Башня трещит и вздрагивает... Скоро конец.

Что-то заставляет меня писать. Я хочу оставить свои записки людям грядущих поколений. Пусть знают они, как погибла культура во второй половине 20-го столетия.

В результате ужасных войн человечество опять вынуждено будет вернуться назад на несколько тысячелетий... Мне отчего-то вспоминается миф об Атлантиде. Не повторяется ли история?..

Подумайте только... Мы были накануне совершения полетов на другие планеты, накануне искусственного превращения элементов...

У меня опять кружится голова... Зеленые, страшные трупы жены и милых малюток стоят перед моими глазами... Я не могу больше писать... Проклятие начавшим эту бойню!...».

На этом месте письма прерывались. Далее шло несколько строчек совершенно

стертых знаков.

Рут Торри схватился за голову. Крупные слезы катились из его глаз.
Было тихо. Узкий серп Луны загадочно улыбался на небе...

ДВАЖДЫ УМЕРШИЙ

I

Мутно-серые клубы папиросного дыма заволакивали кабинет. Я сидел в углу широкого кожаного дивана и сосредоточенно рассматривал картины на противоположной стене.

Петров нервно барабанил рукой по письменному столу и, глубоко затягиваясь, уничтожал папиросу за папиросой. Его полное, румяное лицо было покрыто мелкими каплями пота.

– Д-а-а-а... вот они... хороши... достижения современной культуры, – в третий раз повторял он одну и ту же фразу.

Накануне вечером Петров присутствовал на лекции об ужасах, грозящих человечеству в случае возникновения войны, и был взволнован весь следующий день. Он подробно поделился с нами своими впечатлениями.

Дементьев сидел, откинувшись на спинку кресла, и задумчиво пускал колечки дыма. На губах играла чуть заметная жалкая улыбка. Мысли его, вероятно, были где-то далеко, далеко.

После долгого молчания он, наконец, заговорил:

– Ваши слова, Петров, о лучах Матью с новой силой воскресили в моей памяти трагедию, я бы сказал даже, мирового масштаба, в которой пришлось мне участвовать. Правда, моя роль была второстепенной, но это не мешает мне остро переживать все ее мрачные подробности... Главным героем был Кипарисов...

– Профессор Кипарисов? – спросил Петров.

– Да.

– Тот самый, талантливый, но эксцентричный ученый, который погиб во время германской войны от взрыва в своей лаборатории?

– Да.

Дементьев глубоко выдохнул и, немного помолчав, добавил:

– Люди, подобные Кипарисову, рождаются раз в столетие. Кипарисов сделал величайшее открытие, которое и повлекло его к гибели... Я думал, что так нужно было для

блага человечества... Но вот теперь работы Матью заставляют меня мыслить иное и снова воскрешают минувшее...

– Хорошо... Я расскажу вам подробно всю эту историю. Если хотите, – добавил он, обращаясь ко мне, – познакомьте с нею ваших читателей. Кипарисов и... тот другой умерли. Никто не заинтересован в сохранении тайны.

Петров пересел ко мне на диван, и мы с глубоким волнением начали слушать рассказ Дементьева.

II

Это было весной 1916 года. Хотите точнее?... Извольте – 27-го мая... Я хорошо помню все мельчайшие подробности.

Окончив прием больных, я пил чай и читал газету. Звонок в передней заставил меня вздрогнуть; я думал, что это кто-нибудь из запоздавших пациентов, но оказалось, что принесли письмо. Рассматривая конверт, я увидел знакомый почерк. Кто же другой, кроме Кипарисова, умел писать такие каракули?

Разорвав конверт, я прочел на обрывке бумаги приглашение обязательно явиться к нему сегодня вечером. Слово «обязательно» было подчеркнуто три раза. Далее он указывал свой адрес. Его лаборатория помещалась довольно далеко от меня, на самой окраине города. «Я предупреджу охрану, чтобы тебя пропустили, и сообщу им твои приметы, – писал он, – но все же лучше захвати с собой паспорт и это письмо, как доказательство»... Фраза сначала бесконечно удивила меня, но вскоре я сообразил, в чем дело. В газетах не раз приходилось читать, что Кипарисов работает на оборону государства. Он изобрел противогазовые маски, новый тип ручной гранаты, аппарат для сбрасывания бомб с аэропланов и еще что-то. Очевидно, его лаборатория надежно охраняется полицией.

И вот передо мной во весь рост предстал Кипарисов таким, каким я его знал еще в детстве, когда мы сидели за одной партой в школе и сообща списывали на уроках истории.

Высокий, бледный, всегда с растрепанными волосами, Кипарисов был гордостью преподавателей физики, химии, математики и тяжелым бременем для учителя истории. Голова Кипарисова вечно была полна тысячами разных открытий и изобретений. Многие его ученические работы приводили в восторг педагогов, пророчивших ему блестящее будущее.

По окончании средней школы мы вместе изучили латынь и поступили в университет. Кипарисов – на физико-математический факультет, я – на медицинский. Кипарисов быстро шел в гору, профессора считали его крупным талантом. Если бы не его участие в революции 1905 года (определенно поговаривали, что Кипарисов состоит в партии социал-демократов-большевиков), то он был бы оставлен при университете для научной работы.

Я отлично помню, как Кипарисов, волнуясь и размахивая руками, возмущался действиями правительства, толкнувшего народ на японскую войну. Мне никогда не забыть той силы юношеского порыва, с которой он объявлял войну войне и клялся бороться всю жизнь за всеобщее братство и равенство.

По окончании университета Кипарисову пришлось покинуть Петроград и перекочевать в Киев. Через три года он уже был профессором.

Прошло еще несколько лет. Письма Кипарисова приходили все реже и реже...

И вот однажды я прочел в трамвае о «Замечательном составе профессора Кипарисова, быстро уничтожающем крыс и мышей и совершенно безвредном для людей и домашних животных»... Я купил пакетик этого средства. На этикетке были портрет и подпись моего друга... С чувством глубокого разочарования читал я широковещательные слова рекламы. Было грустно, не хотелось верить... Я писал ему, и знаете, что он мне ответил... что он заработал на своем средстве тридцать тысяч рублей... Хорошо?

Вскоре я купил патентованную зажигалку конструкции Кипарисова, «вечное перо Кипарисова» и еще что-то.

Я перестал уважать своего друга.

Затем началась германская война. Из газет узнал о «Кипарисовском сбрасывателе бомб с аэропланов» и ручной гранате системы Кипарисова. Журналы помещали его портрет...

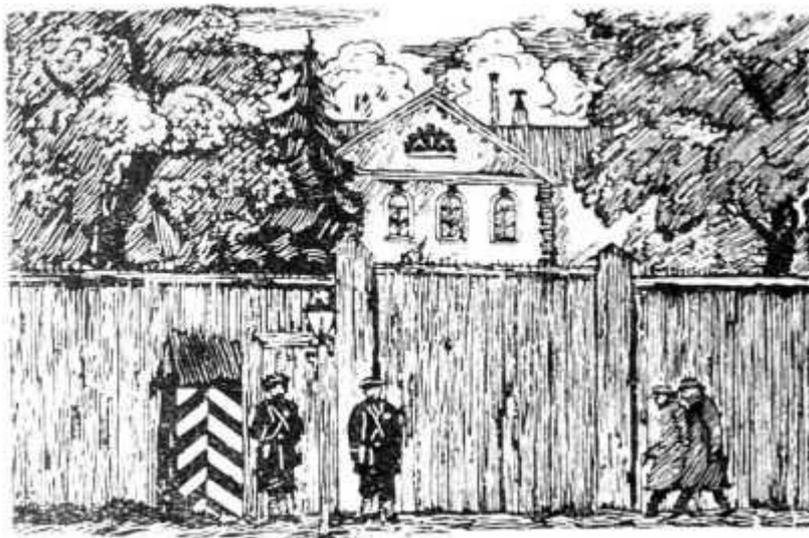
Почтенный для революционера список трудов, начиная от состава для истребления крыс и мышей и кончая сбрасывателем бомб с аэропланов!.. Вот тебе и «война войне», так недавно провозглашавшаяся Кипарисовым!

Такие мысли всколыхнуло в моей памяти письмо Кипарисова.

Все же я взял извозчика и поехал.

Ш

Дом, в котором помещалась лаборатория Кипарисова, находился в центре большого сада, окруженного высоким сплошным забором. У ворот дежурили два полицейских, вдоль забора еще прохаживались двое в штатском, на противоположной стороне улицы стояло несколько подозрительных типов.

– Шпики, – подумал я. – Хорошо же оберегается местопребывание бывшего революционера!

После долгого разговора с одним из полицейских, предъявления паспорта и письма Кипарисова, мне разрешили войти в ворота в сопровождении субъекта в штатском. Внутри

меня все клочотало от сдерживаемого бешенства.

Наконец, мы достигаем лаборатории. Еще полицейский... Новый разговор... Но вот все препятствия преодолены, и я в кабинете у Кипарисова.

Кипарисова я узнал с трудом. Его голова не видела ножниц и бритвы в течение нескольких лет. Длинная черная борода торчала растрепанными клочьями, лицо вытянулось и похудело.

– Не правда ли, меня хорошо оберегают? – произнес он, улыбаясь, когда закрылась дверь кабинета.

Последняя капля переполнила чашу. То, что накапливалось во мне в течение ряда лет, наконец, вырвалось наружу. Задыхаясь и волнуясь, наступал я на своего бывшего друга, обвинял его, сыпал тысячи упреков, вспоминал минувшие годы.

Кипарисов быстро шагнул назад и вперед и с удовольствием потирал руки.

– Хорошо, хорошо... браво... Что верно, так верно... Продолжай дальше, превосходно, – поддерживал он меня, когда я останавливался, подыскивая достаточно сильные выражения. – Очень хорошо... восхитительно... Я замолчал и в изнеможении опустился на стул.

– Теперь все?

– Да, все...

Кипарисов энергично схватил меня за руку и начал сжимать в своих объятиях. Я отбивался.

– Душевно рад, что ты остался прежним, – начал он, – я тоже не изменил тем клятвам, которые давал в юности.

– Но твой истребитель мышей и... ручные гранаты?..

– Цель оправдывает средства. Значит так нужно было, – возразил он.

– А все-таки...

– Сиди, молчи и слушай. Я объясню все... Может быть, ты помнишь из моих писем, что я после окончания университета много работал с Рентгеновыми лучами и радиоактивными веществами. Я один из первых высказал предположение, что уран, радий, торий и другие лучедеятельные элементы распадаются не самопроизвольно, а вследствие действия на них особых, невидимых глазом, лучей, исходящих, вероятно, от Солнца или даже от отдаленных звезд...

– Помню. Но вскоре затем твои письма прекратились, и ты занялся истреблением крыс, бросив, по-видимому, начатые работы.

– Ошибаешься. Я продолжал их и сделал замечательное открытие. Я не только научился улавливать эти лучи, но концентрировать их и управлять ими по своему желанию. Я мог ускорять или замедлять радиоактивные процессы...

– Быть этого не может!

– Однако, это так. В моих руках была тайна искусственного разрушения атомов не только радиоактивных, но и обыкновенных веществ. Увлеченный работой, я забыл об окружающем меня внешнем мире, передо мной рисовались заманчивые перспективы... Но для дальнейших опытов нужны были деньги, деньги и деньги. Я обратился к правительству и к некоторым частным лицам – всюду был отказ. Приходилось или прекратить исследования, обещавшие обогатить человечество, или добыть каким-нибудь путем необходимые средства. Я предпочел второе...

– Изобрел средство для истребления крыс и мышей?

– Кроме того порошок от тараканов, автоматическую зажигалку, вечное перо, карманную пишущую машину и еще какую-то дребедень. Деньги были добыты.

– Но зачем на пакете с истребителем под лозунгом «война мышам» был помещен твой портрет и собственноручная подпись?

– Так захотел фабрикант... Это нужно было для рекламы. Я получил лишние пять тысяч... Правда, я потерял уважение студентов, а затем вынужден был бросить профессуру... но это не важно. Цель оправдывает средства, а цель была великая!.. Если бы я

не сумел добыть денег указанным способом, я ограбил бы банк, совершил убийство, но не прекратил работы!

Я был вполне удовлетворен и с восторгом начал жать его руку.

– Слушай мои оправдания дальше, – усмехнувшись, продолжал он. – Ты, конечно, хочешь теперь знать, как революционер Кипарисов, ярый противник войны, начал, в добром согласии с правительством и под его покровительством, изготавливать ручные гранаты, пулеметы, сбрасыватели бомб с аэропланов и прочее?

– Можешь не рассказывать. Значит так нужно было во имя твоей работы – отвечал я.

– Да, так надо было. Собрав необходимые средства, я начал заказывать приборы и приступил уже к некоторым опытам, как вдруг в моей квартире произвели обыск. Хотя я и знал, что с 1905 года числюсь в охранке, как один из самых опасных, и постоянно нахожусь под негласным надзором, но не думал, что дело дойдет до обыска. Мои заказы диковинных приборов, по-видимому, возбудили подозрение. К счастью, в руки олухов, производивших обыск, не попало ничего ценного.

Вскоре началась война, строгости увеличились. Мои грандиозные работы не могли остаться без внимания, и я рисковал, что их истолкуют превратно. Нужны были героические меры, и я пошел на них... Я написал прошение, раскаялся в юношеских ошибках (так называл я то, что составляет основу моего мировоззрения) и предложил работать на оборону. Тут же я представил проект своего изобретения, – противогазовой маски. Мне поверили, согласились на все условия, которые я поставил...

И вот теперь, под видом работы на оборону, я продолжаю свои исследования совершенно спокойно, под надежной защитой полиции...

– А твоя ручная граната и автоматический сбрасыватель бомб с аэроплана?

– Кость – брошенная собакам. Время от времени нужно, действительно, что-нибудь изобрести для них, а то доверие может пошатнуться. Мне тяжело создавать орудия истребления, но... лес рубят – щепки летят. Опять повторю: цель оправдывает средства... Теперь пойдём. Я покажу тебе некоторые опыты с «Омега-лучами», как назвал я один из типов открытых мною излучений.

IV

Комната, в которую мы вошли, была уставлена множеством разнообразных приборов. При свете яркой электрической лампы весело поблескивали и отливали всеми цветами радуги их стеклянные и металлические части.

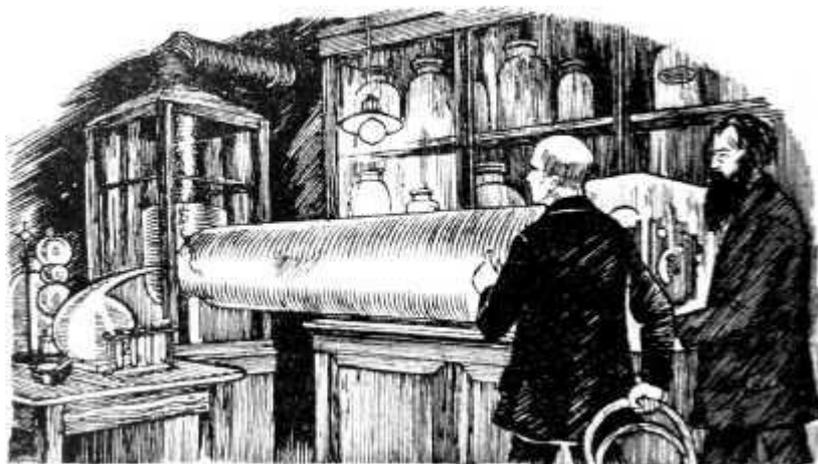
Прямо против двери тянулась через всю комнату длинная труба – шириною в полметра, сделанная из какого-то полупрозрачного вещества.

Кипарисов молча указал на стул. Я сел и внимательно следил за его движениями.

Сначала он наладил хитроумные и помещавшиеся на одном конце трубы, затем принес из соседнего помещения клетку с голубем, и, привязав птицу к особому выступу на другом конце трубы, он закрыл отверстие заслонкой из того же полупрозрачного вещества.

Обращаясь ко мне, он сказал: следи за ее судьбой.

Он нажал пуговку, похожую на кнопку электрического звонка. Через мгновение голубь исчез. Он как бы растаял в воздухе, и только через небольшое отверстие наверху трубы устремилось в вытяжной шкаф туманное облачко...

– Я направил лучи, обладающие энергией, равной одной пятитысячной той, которую может создать этот небольшой аппарат, проговорил он. – Результат ты видел...

Я вскочил. Меня трясло, как в лихорадке.

– А если направить пучок лучей полной силы, то...

– То все, встречное на протяжении до ста километров будет уничтожено, распадется на атомы.

* * *

Я сидел у него в кабинете и молча курил. Кипарисов ходил взад и вперед, сложив за спиной руки, как это он всегда делал еще во времена юности.

– Что же дальше? – спросил я. – Что думаешь ты теперь делать?

– Вот об этом я и хочу посоветоваться с тобой, – отвечал он.

– Самым естественным, казалось бы, предоставить это изобретение русскому правительству, – начал я.

– Ни в коем случае, – быстро обрезал меня Кипарисов. – Моя работа не должна служить империалистическим целям. Я не хочу, чтобы при помощи моих лучей один народ поработил другие.

Нет, не для этого я столько работал, не для этого не спал ночей...

Я положительно теряюсь и не нахожу никакого исхода.

«Омега лучи» должны служить прежде всего для прекращения ужасной бойни, именуемой «второй отечественной войной».

Но как, как это сделать?.. У меня прямо сумбур в голове...

Кипарисов начал предлагать один за другим различные планы, совершенно фантастические и неосуществимые.

Я сидел, курил, в голове в дикой пляске кружился хоровод мыслей... Было совершенно очевидно, что Кипарисов натворит непоправимых глупостей со своими лучами.

Кипарисов неожиданно остановился и беспомощно развел руками.

– Пока я работал, – я думал, что смогу совершить чудеса с моими лучами, а теперь, когда открытие сделано, выходит, что пользы человечеству оно не принесет...

– Выйдем в сад, – прервал я его, – тут так душно, кружится голова.

Мы прошли на цыпочках мимо спавшего в передней полицейского – почти бесшумно отперли дверь и начали шагать, по посыпанным желтым песком, аллеям сада.

Беспокойная белая питерская ночь не давала покоя усталым глазам. Было почти так же светло, как днем.

Ветер весело ревел в ветвях деревьев и заглушал наши шаги.

Где-то далеко пробили часы три раза.

– Мне представляется следующий план, – начал я. – Прежде всего тебе необходимо исчезнуть из виду как русского правительства, так и немецких шпионов. Иначе, ты не

можешь свободно сделать ни одного шага.

Устроившись в глухой местности, где тебя никто не знает, ты закончишь свои работы...

– О, мне надо еще испытать действие лучей на большое расстояние. Это сделать в моей лаборатории – нельзя.

– Ну, вот видишь... Тем временем я войду в сношение с наиболее видными революционерами, и мы, не торопясь, изберем правильный и верный план дальнейших действий.

– Но куда же я смогу скрыться из моей лаборатории, и как это сделать?

– В одном из глухих уездов Черниговской губернии у моей тетки есть небольшой клочок земли и совершенно пустой дом. Она сама живет в маленьком флигеле. Это лето я намеревался, взяв отпуск, провести там, и писал старухе... Поедем вместе...

– Но за мной из Питера по моим стопам поедут и немецкие шпионы. Кроме того, как я брошу здесь все, не навлекая на себя подозрения властей?

– Мы взорвем твою лабораторию на воздух. Все решат, что во время взрыва погиб Кипарисов, тогда как он, сбрив волосы и бороду, изменив наружность, переселится в Черниговскую губернию.

– Но, как..

– Никаких «но» ... Детали я продумаю дома. Во всяком случае не позднее, как через три дня, я приеду к тебе. Предупреди свою «почетную охрану», что тебе привезут с какого-нибудь завода, ну, скажем, Риттинга, несколько ящиков стеклянной посуды и приборов. Пусть пропустят к тебе лицо, доставившее их – им буду я. Приготовь взрывчатые вещества, нужные для уничтожения лаборатории и собери самое важное, что тебе хотелось бы увести с собой... А, главное, до моего возвращения не предпринимай никаких решительных шагов.

Кипарисов, молча, кивал головой и благодарил меня. Мы распрощались. Меня беспрепятственно выпустили из ворот.

V

В эту ночь я спать не ложился. Вернувшись домой, я долго обдумывал все детали предстоящих действий.

Мне до сих пор кажется странным, как это я, человек очень спокойный, уравновешенный, вдруг добровольно и по собственному почину погрузился в водоворот авантюры, которые последовали затем, сменяя друг друга, как в американской кинодраме.

Я не буду знакомить вас с деталями моего плана, а лучше последовательно расскажу о событиях, – вы сами увидите в чем дело.

Окончив работу в больнице, я спустился в мертвецкую при ней. Помощник смотрителя Ефремов, дежуривший в тот день, любезно давал мне все указания.

Среди нескольких десятков мертвецов, я нашел один труп мужчины, лет 36, приблизительно такого же роста и телосложения, как Кипарисов.

– Это неизвестный самоубийца, – сообщил мне Ефремов. – Его еще не вскрывали.

Я нашел то, что мне было нужно.

Отозвав Ефремова в сторону, я дал ему крупную кредитку и попросил его устроить таким образом, чтобы этот труп был тайно Доставлен сегодня же вечером ко мне на квартиру.

– Я хочу произвести совершенно новый тип операции и мне необходимо поупражняться на трупе... Если будут знать об этом мои коллеги-врачи, то они могут посмеяться надо мной, – не совсем складно и логично врал я.

– Будьте покойны, все сделаю... Сохраним в тайне. Доставлю вам в наилучшем виде.

Затем я направился в столярную и заказал два больших ящика, длиною немного менее двух метров, а шириною и высотой по 1/2 метра, и один ящик поменьше. К вечеру их тоже должны были прислать ко мне.

После обеда я съездил в магазин стеклянных приборов Риттинга, выбрал там всевозможных двугорлых стеклянок, пробирок, колб, реторт и трубок, заплатил деньги, попросил написать счет на имя профессора Кипарисова, и привез все на извозчике.

* * *

Вы знаете, что нам – врачам, еще в период обучения, приходится работать на трупах.

Я человек не нервный от природы, и, еще будучи студентом первокурсником, спокойно смотрел на голое мертвое тело, в то время как у некоторых моих товарищей кружилась голова, а самые слабые даже падали в обморок. Но в ту ночь, когда я засовывал мертвеца, доставленного ко мне Ефремовым, в один из больших ящиков, я чувствовал, как мороз подирал по коже, а зубы выбивали лихорадочную дробь.

* * *

Следующий день был посвящен покупке грима, парика, очков, различных мелочей, а также еще кое-каким подготовительным работам.

Я не хотел в своем обычном виде сопровождать ящики к Кипарисову (в одном из них, как вы знаете, был запрятан мертвец). Согласно моему плану, детально продуманному еще накануне, я должен был загримироваться до полной неузнаваемости и раздобыть фальшивый или чей-нибудь чужой паспорт.

Извозчиков я предполагал, с помощью весьма хитрой комбинации, два раза сменить по пути, чтобы окончательно замести следы.

Однако, когда я сел перед зеркалом и начал наклеивать фальшивую бороду, я сразу почувствовал, как все у меня делается по-детски, не серьезно. Прежде чем я достигну кабинета Кипарисова, меня арестуют, так как опытный взгляд полицейского сразу же заметит грубый и неумелый маскарад.

А затем, какая поднимется история, когда всё выяснится. Доктор медицины Дементьев, старший врач одной из крупнейших Питерских больниц, нелепо размалеванный, с фальшивым паспортом, предпринял путешествие в компании с мертвецом в ящике!.. Вот-то позубоскалят газеты!..

Я передумал и решил отправиться к моему другу в своем обычном виде.

– В самом деле, – рассуждал я, – разве может показаться подозрительным, что Кипарисов поручил своему старому товарищу, который несколько дней перед тем у него был, закупить нужные ему приборы и привести в лабораторию. Сам он мог быть очень занят, а помощников (если они у него были) тоже не хотел отрывать от работы.

Я отогнал прочь назойливые противоречия, крикнул из окна дворнику, чтобы он помог мне вынести ящики, и начал перевязывать их веревками.

Два ящика с посудой были сравнительно легки, но третий (там находился мертвец) заставил нас основательно вспотеть.

Я нанял двух извозчиков и отправился в путь.

Я очень обрадовался, увидев, что полицейский, дежуривший у ворот лаборатории Кипарисова, был тот самый, которому я предъявлял документы при своем первом визите.

Ласково кивнув мне головой, как старому знакомому, он произнес, указывая на ящики:

– Что это, никак вы привезли гробы?

– Кипарисов просил меня закупить на заводе Риттинга стеклянные приборы, – отвечал я, стараясь изобразить на своем лице жалкое подобие улыбки, – вот я и привез их.

– А, вот в чем дело! Профессор еще вчера утром отдал распоряжение беспрепятственно пропустить к нему лицо, доставившее приборы с этого завода. Матвей и Дорофеев, отнесите ящики и проводите господина!

Все шло, как по маслу. Я начал успокаиваться.

Когда ящики стояли в кабинете Кипарисова, я обратился к городovým, носившим их:
– Не откажите помочь нам раскупорить, а то мы с профессором, пожалуй, не сумеем справиться...

Они, рассчитывая на чаевые, охотно согласились. Два ящика были быстро открыты, стеклянные приборы вынуты из них и разложены по соответствующим шкафам.

– Вот вам за работу, – произнес Кипарисов, протягивая им три рубля.

– Покорно благодарим!

Дверь кабинета затворилась и тяжелые шаги замерли в отдалении.

Я быстро посвятил Кипарисова в мой план. Он был в восторге.

Через пять минут мертвец лежал в той самой комнате, где я видел так сильно поразивший меня опыт с «Омега-лучами», вблизи от адской машины, превосходно исполненной самим Кипарисовым.

Быстро уложили мы самые важные рукописи, аппараты и инструменты в маленький ящик. Что касается второго большого ящика, то туда должен был лечь сям Кипарисов.

Когда все было готово, мой друг позвонил. Явился дежурный сторож по лаборатории; ему был отдан приказ вызвать двух городových от ворот.

– Вот в чем дело, – обратился к ним Кипарисов, – в пустые ящики я положил те приборы, которые требуют ремонта. Мой друг, который теперь будет, часто бывать у меня и помогать мне в работе, берет их с собой, чтобы отдать в починку. Захватите эти два и отнесите к воротам. Затем наймите извозчиков и возвращайтесь назад за третьим. Я же пойду работать до утра и прошу вас не беспокоить меня. Поняли?

– Так точно. Только извозчиков искать не надо. Те самые, что привезли этого господина, стоят у ворот и ждут их возвращения. Спорят, кто повезет назад.

Как только мы снова остались вдвоем, Кипарисов побежал в комнату с адской машиной, завел ее, поставил стрелку взрывного механизма на 5 часов утра (в это время было часов 9-10 вечера) и запер дверь.

Затем быстро влез в ящик, и я начал завязывать веревки.

– Тебе не душно? – спросил я, окончив работу.

– Нет, воздуху достаточно, ты даже перестарался, – вся крышка истыкана дырками, но уж очень пыльно и хочется чихать.

– Чихай скорее, пока никого нет.

– Это очень трудно сделать по заказу, но... апчих, апчих, апчих...

– Ну, отчихался, наконец?

– Апчих, апчих, апчих...

В дверях показались Матвей и Дорофеев. Я сделал вид, что завязываю ящик, наклонился над ним, в то же время закрывая рот рукою.

– Апчих, апчих, – несло из ящика.

– Будьте здоровы, господин.

– Спасибо, тут так пыльно...

Чихание прекратилось.

Городовые взяли ящик.

– А профессор будет работать всю ночь? – спросил меня один из городских, уже укладывая ящик на извозчика.

– Да. Он просил его не тревожить, так как работа очень ответственная и опасная с новым взрывчатым веществом.

Полицейские уселись у ворот, мирно беседуя, а мы покатили, провожаемые хитрой гримасой бледной луны.

Кипарисов хлопал в ладоши, подпрыгивал, размахивал руками и делал самые разнообразные движения.

– Что, весело путешествовать в ящике?

– Да, весьма весело. Но всякая медаль имеет и свою оборотную сторону: у меня болит все тело.

И опять принялся шагать по моей спальне и делать гимнастические упражнения.

– Пока нам везет, но что будет дальше... Я очень боюсь, что приезд с ящиками накануне взрыва, заставит подозревать мое участие, – начал ныть я, когда прошло первое радостное настроение.

– Вот пустяки-то, – возразил Кипарисов. – Катастрофа произошла при моих опытах с новым взрывчатым веществом, это будет для всех совершенно очевидно, недаром я несколько раз говорил об этих опасных работах тем сановным посетителям, которые вчера лицеизрекли мою лабораторию. Не зря повторил я об этом, по крайней мере, пять раз пустоголовым полицейским. Кроме того, я писал по начальству официальный рапорт о начале этих новых работ. Я уверен, что все сойдет гладко.

– А если городовые доложат, что я вывез из твоей лаборатории три ящика с приборами, требующие починки, и меня попросят их возвратить?

– Тогда ты им представь разные ломанные рентгеновые трубки, измерительные приборы и прочее, что подвернется тебе под руку. Я знаю, ты сам работаешь с рентгеновыми

лучами по медицинской части, и у тебя вагон всякой дряни.

– Не будем, однако, почивать на лаврах и примем все меры предосторожности, – возразил я, вытаскивая ножницы и бритвенный прибор.

Через полчаса кипарисовская борода и пышная растрепанная шевелюра весело трещали на углях камина, а совершенно бритый сухой субъект с большими синими очками на глазах ничем не напоминал прежнего Кипарисова. Его гладкий затылок блестел, как зеркало.

– Изволь поддерживать свою наружность в таком виде и брейся каждый день, – наставлял я друга.

Кипарисов торжественно дал клятву.

Мы запаковали в различные сундуки и корзинки его приборы, а в почтенные ящики, столь честно доставившие мертвеца и вызволившие Кипарисова, я положил испорченные рентгеновые трубки и другой ненужный хлам из своего рентгенографического кабинета.

Затем я засел за письмо к тетке, в котором я рекомендовал Медведева (таков был новый псевдоним Кипарисова), как своего друга и коллегу по научной работе, просил предоставить ему дом и оказать всяческую помощь; сам я обещал приехать дней через десять.

Утром на следующий день я встал с тяжелой головой.

Стрелка часов покапывала половину одиннадцатого. Кипарисову, то-есть, виноват, Медведеву, нужно было ехать на вокзал, а мне спешить в больницу.

– Экстренный выпуск газеты «Биржевые Ведомости!»... Страшная катастрофа... взрыв лаборатории профессора Кипарисова, – донесся до меня голос газетчика.

Я быстро спустился на улицу и купил газету.

Нам положительно везло. В газете приводилось подробное описание взрыва. Он был не очень силен и совершенно уничтоженной оказалась только одна комната, где работал ученый. Никто из охраны не пострадал. Прибывшей пожарной командой был очень быстро ликвидирован начавшийся пожар и вытасчен совершенно обгорелый труп, сильно пострадавший при взрыве. Никто не сомневался, что это был Кипарисов.

Мой друг читал и лицо его освещалось все более и более веселой улыбкой.

– Как жаль, что надо сию же минуту ехать, а то я с удовольствием остался бы до дня своих похорон. Право, интересно послушать, что будут говорить над моей могилой... Ты собери все газеты, где будет описание, и обязательно привези мне.

Мы распрощались. Скорый поезд понес «живого мертвеца» к новым приключениям, а я направился в больницу продолжать обычную работу и просить ускорить мой отпуск, который был мне обещан еще давно.

VIII

Запряженная двумя лошадьми таратайка неистово трясла меня по проселочной дороге. От станции до местожительства моей тётки было около 60 верст.

Впрочем, я не ручаюсь за эту цифру.

Томительно долго тянулась дорога. Я безумно люблю русскую деревню, густые леса полные здорового, бодрящего запаха, приволье золотых полей, но страшная тряска на ухабах и волнение за друга испортили мне настроение.

Я очень боялся; как он живет без паспорта.

– А вот и «Пеньково»! – произнес, наконец ящик.

Я сразу ободрился.

Нас вышли встречать тетушка, ее домочадцы, Кипарисов и высокий гражданин о военной выправкой.

– Умница, что прислал раньше себя Николая Ивановича, мы его так все полюбили, – поспешила сказать тетка, обнимая меня.

– Да-а-а, – Николая Ивановича мы все на руках носим за его ум и образование, – поддержал незнакомый мне гражданин.

– С кем имею честь?

– Я здешний урядник Никаноров.

– Ну, и везет же нам на полицию! – пронеслось у меня в голове.

Обедали и пили чай с прошлогодним вареньем, медом, разными пряниками, ватрушками и пирогами, специально приготовленными для моего приезда. За обедом Кипарисов был весел, из чего я сделал вывод, что его научные работы идут вполне удачно.

Вечером мы сидели с ним вдвоем в новой лаборатории; это была небольшая комната под самым чердаком. Обстановка была убогая, но все самое нужное для начала работ было под рукою – ничего не забыл привезти предусмотрительный Кипарисов.

Дом, отведенный нам, стоял на горе и из окон лаборатории открывался прекрасный вид на большое расстояние.

На темно-синем вечернем небе ясно вырисовывался холм, покрытый лесом.

– Далеко он? – спросил я Кипарисова.

– Сорок верст отсюда.

– С гаком?

– Нет, без гака...

– А версты у вас меряные? – засмеялся я.

– И, меряные и считанные, сам урядник считал.

– Да, кстати, чем расположил ты к себе его сердце?

– Опытами. Я показал ему опыты с катодными и рентгеновыми лучами – и он растаял от восторга. Теперь считает меня своим другом и готов жизнь отдать за меня... В общем, он недурной человек. Для меня же беспаспортного, живого мертвеца, Кипарисова-Медведева очень полезна эта дружба. Уж, конечно, паспорта он от меня не спросит!

IX

Мой отпуск приходил к концу, и я укладывал вещи.

Месяц прошел быстро и незаметно. Я помогал Кипарисову в его работе и с восторгом

видел, что она у него идет превосходно. Конструкция аппаратов непрерывно улучшалась, действие их делалось проще.

Мы часто гуляли вдвоем и мечтали о будущем.

Лежа неоднократно на излюбленной нами лесной поляне из зеленого бархата, прислушиваясь к веселым голосам птиц и жужжанию насекомых, мы спокойно обсуждали, взвешивали, раздумывали. Все выходило гладко и хорошо.

Кипарисов заметно окреп. Он был счастлив жить совершенно свободно.

Вечером, в день, предшествовавший моему отъезду, мы наметили произвести первый опыт с действием «Омега-лучей» на большое расстояние.

Когда в «Пенькове» все улеглись спать, мы приступили к работе. Кипарисов налаживал свой вновь усовершенствованный прибор, я помогал ему.

Он направил аппарат на вершину покрытого лесом холма, что находился от нас в сорока верстах.

– Я начинаю.

В то же мгновение деревья на вершине холма начали таять, а к небу поднималось туманное облачко.

Я вспомнил опыт с голубем, сделанный Кипарисовым во время моей первой встречи с ним в лаборатории.

Он двигал прибор в течение нескольких десятков секунд то вниз, то вверх, то вправо, то влево.

Верхняя часть холма и все деревья, покрывающие его с нашей стороны, исчезли, обратились в небытие.

* * *

Утром, в день моего отъезда, когда мы все вместе пили чай, Кипарисов шутил и смеялся, а тетушка непрестанно прикладывала к глазам платок, вошел урядник.

– Вы знаете о чудовищной грозе, разразившейся в лесу, в сорока верстах от «Пенькова»? – начал он.

– Я сплю очень чутко, но ничего не слышала, – удивилась тетушка.

Мы тоже изобразили изумление на физиономиях.

– Это весьма странный случай, единственный в своем роде, – продолжал урядник. – Молния со страшной силой ударила в вершину холма, что виден из верхней комнаты вашего дома, где теперь лаборатория Николая Ивановича, сожгла дотла все деревья и даже верхнюю часть самого холма... Самое непонятное, – это то, что она была совершенно без грома, да и небо в тот вечер отличалось полным отсутствием туч.

– Иногда действия молнии в высшей степени кажутся странными, многим из них наука не находит полного объяснения, – поспешил дать свое авторитетное заключение Кипарисов. – Однажды молния поразила человека среди открытого поля, но не причинила ему большого вреда: она только сорвала с него обувь и отбросила ее за двадцать шагов, вытащив при этом оттуда все гвозди, без исключения. В другой раз молния раздела молодую крестьянку совсем до нага и оставила ее на лугу, а одежда была найдена висящей на дереве. В третьем случае гроза убила на повал пахаря в тот самый момент, когда он, обедая, подносил ко рту ломоть хлеба. Он так и остался недвижимым. К нему подошли, но едва лишь дотронулись до него, как он рассыпался пеплом; одежда же его осталась нетронутой³.

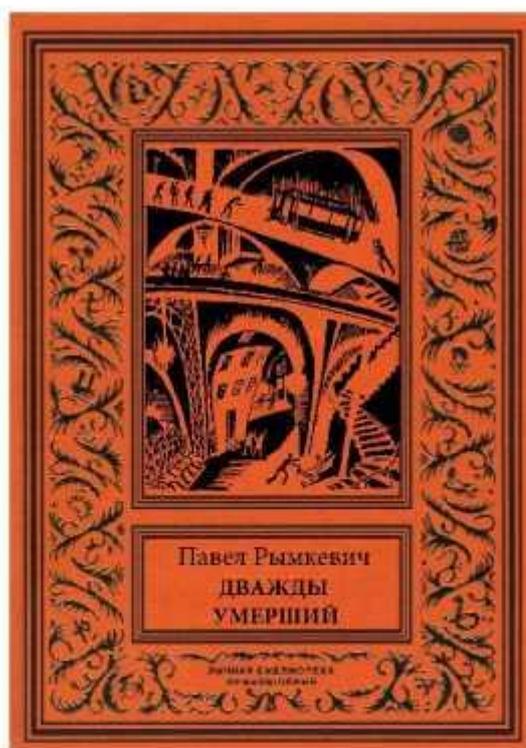
³ Пусть читатели не удивляются описанным выше капризам молнии. Они дословно взяты из книги знаменитого Камилла Фламариона «Область неведомого и психические загадки». Множество подобных очень интересных примеров также приводит Фламарион в своей превосходной книге «Атмосфера».

Описанный вами случай не отличается чем-либо более загадочным. Это один из капризов

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Павел Рымкевич
ДВАЖДЫ
УМЕРШИЙ

LEO

МОЛНИИ.

* * *

Перед прощанием с другом я еще раз зашел в лабораторию.

Голые остатки холма печально рисовались передо мною.

– Что было бы, если бы подобные лучи изобрел не Кипарисов, а кто-нибудь другой? – невольно пронеслась в моем мозгу жуткая мысль.

– Смотри, смотри – закричал мой друг.

Он указал на несколько деревьев, расположенных между окном, на котором был аппарат, и злополучным холмом. Они были на пути лучей и лишились своей верхней части.

Х

Из деревни я вернулся в середине июля и сразу же опять с головой ушел в обычную работу.

Однажды, в начале октября, возвращаясь домой обедать, а затем принимать больных, я заметил на столике, около швейцарской, письмо от Кипарисова.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я взял в руки конверт с хорошо знакомыми мне кипарисовскими каракулями, это то, что он был уже кем-то вскрыт и вновь старательно заклеен.

Разговор со швейцаром не выяснил ничего – и я терялся в догадках.

Окончив прием больных, я начал тщательно обсуждать этот прискорбный случай.

Вас может удивить, почему я сильно заволновался из-за такого пустяка? Я знал, чем грозил он нам. Кипарисов подписал это письмо своей настоящей фамилией.

Меня мучили недобрые предчувствия. Сколько раз я просил моего друга изменить почерк и подписываться своей новой фамилией – Медведева. Сначала он подчинился моим требованиям, а затем удивительное везение, которым сопровождалась все наши планы, сделало его беспечным.

Было вполне вероятно, что немецкие шпионы, окружавшие лабораторию Кипарисова, отметили мой двойной визит. Возможно, что они обратили внимание на мой второй приезд с громадными ящиками как раз в день взрыва. Нет ничего странного, что за мною и моим домом была установлена слежка. Вероятно, это делалось не особенно серьезно, так между прочими делами... Вскрытое письмо сразу открывало шпионам истинное положение вещей.

Из письма шпион мог узнать, что Кипарисов работает над изучением каких-то совершенно новых лучей. Некоторые фразы письма были очень многозначительны. Почтовый штемпель указывал ближайшую станцию железной дороги, а сам Кипарисов неоднократно упоминал слово «Пеньково», а также имя и фамилию моей тетки.

Я был в отчаянии и проклинал беспечность моего друга, да и свою собственную.

* * *

Полтора месяца прошли спокойно. Кипарисов по-прежнему часто писал мне; через несколько недель он заканчивал свои работы и собирался уезжать из «Пенькова» к одному старому революционеру, который должен был опять ввести его в партию.

Я совершенно успокоился.

Вдруг пришло письмо, которое снова повергло меня в полное отчаяние.

В этом письме Кипарисов совершенно беспечно писал, что с ним уже в течение нескольких дней работает молодой, энергичный и очень талантливый помощник по фамилии Гендсен. «Его отец швед, а мать русская, так что он говорит с небольшим акцентом», – эта фраза до сих пор стоит у меня перед глазами.

Кипарисов познакомился с ним во время поездки в Киев, где ему пришлось быть для покупки некоторых инструментов, материалов и реактивов.

Отчаяние овладело мною. Для меня было совершенно ясно, что Гендсен – немецкий шпион. Узнав адрес Кипарисова, он подждал только удобного момента для того, чтобы завести с ним знакомство и втереться в доверие.

Я написал заявление в больницу и лечебницу о том, что я срочно уезжаю на две недели, так как получил телеграмму о смерти брата (он умер уже три года назад), наскоро собрал вещи и помчался на вокзал.

XI

Я подъехал прямо к тетушкиному дому. Тетушка удивилась и, конечно, обрадовалась моему неожиданному приезду.

С большими затруднениями добрался я до «Пенькова».

– Как Ки... то-есть Медведев, как Николай Иванович, здоров? – были мои первые слова...

– Здоров. Только уж очень занят работой, так утомляется... Теперь у него есть помощник швед Гендсен – тоже симпатичный юноша. Вчера они ушли после обеда в лабораторию и просили их не беспокоить... А что ты так неожиданно приехал?

– Потом расскажу, тетушка.

Дверь была заперта на ключ.

– Работают, – промелькнула у меня мысль.

Я тихо постучался – ответа не было. Я постучал сильнее – все то же гробовое молчание.

Напрягая все свои силы, я пытался сломать дверь. Она трещала, начала поддаваться, еще одно усилие – и я ворвался в лабораторию.

Глазам моим представилась ужасная картина. Около стола сидел Кипарисов, его череп был разбит сзади страшным ударом топора. Видимо, смерть наступила почти мгновенно... Все приборы были разломаны, исковерканы, сделаны совершенно неузнаваемыми.

Я не мог выдержать ужасного зрелища, опустился на стул и зарыдал.

Прошло около часу, прежде чем я окончательно успокоился.

Я начал исследовать труп моего друга и убедился, что смерть наступила сутки тому назад. Если бы мы не сбились с дороги – я застал Кипарисова живым. Я проклинал зиму, везшего меня крестьянина, лошадей, волков и, главное, свою беспечность! Отчего я не приехал раньше!..

Мне представились последние минуты моего друга. Вот он наклонился над прибором, в его мозгу роятся новые, гениальные мысли. Он зовет своего помощника, а тот предательским ударом сзади убивает великого человека...

Моей первой мыслью было дать знать о несчастий уряднику и принять срочные меры к задержанию шпиона, но я вскоре раздумал.

Если полиция наведет справки о Медведеве, то может выясниться, кто на самом деле скрывался под этим псевдонимом, раскроется мое участие, и я могу очутиться под судом... Кипарисову это не поможет, да и шпион вряд ли будет пойман...

Я обстоятельно взвесил все «за» и «против» и решил скрыть происшедшее.

Я сжег в печке все, что могло сгореть, собрал осколки битого стекла и ломанные металлические части в два больших мешка, которые нашел внизу в спальне, а в третий – бережно завернул труп моего друга.

* * *

Ночь была совершенно темная. Узкий серп луны слабо освещал однообразно-белую пелену, окутывающую землю.

Когда в соседнем флигеле потушили огонь, я вышел из дому и тихо крадучись, как вор, пробрался в сарай. Встретившие меня собаки, замахали хвостами, узнав старого знакомого, и начали ласкаться.

Мне никогда не забыть тех кошмарных минут, которые я пережил, идя по дороге от «Пенькова» к озеру – верстах в полутора от нашего дома, с ужасным мешком на спине. Я ежеминутно попадал и сугробы, все казалось, что меня кто-то преследует, чудились за спиной таинственные стоны и шорохи.

Вот, наконец, озеро... Я разгреб снег и прорубил лед. Затем развязал мешок, еще в последний раз поцеловал друга и опустил в прорубь.

Тихий всплеск, и вода вновь сомкнулась, поглотив труп. Я был уверен, что мешок не всплывет, так как к трупу был привязан тяжелый кусок железа.

Дальнейшее я делал, как во сне... Невыносимо тяжелым сном и представляется мне теперь все это.

Я возвратился два раза в дом, снес и потопил в той же проруби оба мешка с остатками трудов Кипарисова.

Спи спокойно, мой друг! Человечество еще очень несовершенно и не умеет справедливо ценить великих людей...

Рано или поздно наступит то счастливое время, о котором мечтал ты, во имя которого работал и умер... Прекратятся нелепые войны, сотрутся ненужные границы. Труд человека, облегченный работающими за него машинами, будет направлен к научным достижениям, о которых мы не смеем теперь и мечтать... Спи спокойно!

XII

Дементьев замолчал, долго вновь переживая минувшее.

Затем он заговорил:

– Я прибрал в спальней и наверху, замыл следы крови. На другой день утром сошел я к тетушке и сообщил ей, что цель моего приезда была срочно вызвать Медведева в Петроград, и что он уже уехал рано утром, достав лошадей из ближайшей деревни, так как боялся опоздать на поезд.

С ним уехал и Гендсен. Я извинялся за то, что они не вышли попрощаться, но им обязательно нужно было вечером разобрать и сложить приборы, а в 8 часов утра уже выехать пока все спали. Я врал так искренно и красноречиво, что мне поверили...

– А изобретение? – воскликнул Петров, – что стало с Гендсеном, или как там звали проклятого шпиона?

– На нашей бедной планете, пока еще очень малокультурной, иногда все-таки действует закон справедливости, – продолжал Дементьев. – По возвращении в Петроград я прочел кипу газет, накопившихся за время моего отсутствия. Вы помните взрыв, происшедший на одном из русских пороховых заводов на юге, в ноябре 1916 года? Завод был уничтожен почти дотла... Читая описания взрыва, я обратил внимание на следующий факт: на расстоянии полуверсты от завода был найден труп молодого человека с большим ящиком за спиною и каким-то странным прибором в руках. Труп был сильно изуродован, прибор совершенно приведен в негодность, а ящик разбит вдребезги.

Предполагали, что это шпион, взорвавший завод и не успевший достаточно далеко отбежать от места катастрофы. Я не сомневаюсь в том, что это именно и был Гендсен, пожелавший лично испытать действие «Омега-лучей». Однако, он, вероятно, не умел достаточно хорошо обращаться с прибором... Смерть Кипарисова не осталась не отомщенной!

Поздно ночью молчаливо разошлись мы тогда.

Теперь, по-прежнему встречаясь у Петрова раз в неделю, мы никогда не вспоминаем рассказанного Дементьевым. Но я знаю, отчего у него всегда такое печальное лицо и он никогда искренно и бурно не веселится.

ГРЯДУЩАЯ ВОЙНА

I

Страшная действительность

Вечер... Я сижу за письменным столом и просматриваю новые заграничные журналы. Мое внимание особенно привлекают многочисленные статьи, посвященные успехам авиации.

«Новый воздушный крейсер» – читаю я заголовок. Интересно, посмотрим, в чем дело...

Помню, как десятка полтора лет назад, я запоем читал фантастические романы: «Электрическая жизнь», «Адская война», «Воздушные бои будущего»... Что же!.. Действительность, оказывается опередила самые смелые измышления романистов... Современные военные воздушные суда уже теперь значительно совершеннее тех, которые описывались в романах.

Из журналов я узнаю о постройке воздушных бомбовозов, покрытых толстой броней и могущих брать с собой до 500 пудов бомб, начиненных взрывчатым веществом страшной разрушительной силы. Снабженные пулеметами и орудиями, они представляют из себя настоящие «летающие крепости».

Вот сведения об истребителях, имеющих новейшие орудия, которые, выстрелив один раз, продолжают обстрел автоматически до тех пор, пока сам летчик не пожелает остановить их действия.

Я содрогаюсь от ужаса. Мне представляется страшная картина разрушения – результат налета эскадры воздушных крейсеров. Ведь у одной только Франции уже до 30.000 самолётов, среди которых несколько тысяч военных...

Бум... бум... Громко бьют часы. Неужели два часа ночи?.. Но сон бежит от меня.

Я жадно продолжаю читать. Статья об удушливых газах... Оказывается, есть вещества, одна капля которых мгновенно убивает все живое.

Население города безмятежно спит мирным сном. Ночью с аэропланов сбрасывают бомбы, начиненные обращенным в жидкость ядовитым газом. Страшная коса смерти сметает тысячи жизней. Рождается утро, солнечные лучи освещают город мертвых. Ужасные газы сделали свое дело...

Я не могу спокойно продолжать чтение... Сижу, крепко сжимая руками воспаленную голову. Вихрем кружатся мысли... Лучшие достижения человеческого гения на наших глазах обращаются хищной волей капиталистов в орудия смерти.

II

Загадочные сигналы

Что со мною?.. Где я?..

Странная, незнакомая местность. Вдоль улицы тянутся казарменно-серые, все

совершенно одинаковые двухэтажные дома. Быстро мелькают трамваи, также окрашенные в этот убийственно-скучный серый цвет.

Может быть, я сплю и все это не что иное, как странный фантастический сон? Видимо, нет!..

Вокруг меня кипит настоящая, действительная жизнь. Начинаю с любопытством осматриваться.

Надо полагать, что теперь полдень. Солнце стоит высоко, из-за кружевных облаков бросает оно золотисто-желтые лучи на странно-однообразную картину, окружающую меня.

По тротуару проходит много людей, – все торопятся, спешат куда-то. Всматриваюсь в лица с надеждой найти знакомого, который объяснил бы мне удивительное изменение, происшедшее с моим родным городом.

Вдруг ледяной холод сжал мое сердце. Нет, это лица не живых людей – все мертвенно бледные, как... не знаю даже с чем сравнить... – я никогда не видел таких лиц.

Каждый, проходя мимо, долго с видимым изумлением рассматривал меня.

Довольно! Надо выяснить, наконец, где я. Спрошу кого-нибудь из этих диковинных людей, как называется их город.

Чувствую, что это будет нелепый вопрос... Если бы меня раньше спросил кто-либо на улице: «Скажите, в каком городе мы?» – я счел бы его за ненормального.

Подбираю слова и ищу, на ком остановить свой выбор... Вдруг пронзительно-резкий звук потряс воздух.

Среди странных людей произошло смятение; все бежали к концу улицы и там таинственно скрывались, как бы проваливаясь в какую-то яму.

Один за другим подъезжали туда трамваи – они тоже бесследно исчезали.

Я еще раньше обратил внимание на странный шум сверху, нечто вроде жужжания моторов множества аэропланов. Теперь этот шум усилился, из-за облаков стали появляться небольшие аппаратики, они быстро спускались и тоже тонули под землю.

– Дззз... Дззз... – дважды прокатились по воздуху странно высокие ноты.

– Безумец, самоубийца! – раздался за моей спиной взволнованный голос, и невысокий, смертельно бледный старик схватил меня за руку.

– Второй сигнал, второй сигнал!.. – кричал он, увлекая меня за собою.

Мы бежали по пустой уже улице. У меня захватывало дыхание.

– Успели... спасены... – проговорил запыхавшийся старик.

Перед нами был глубокий колодезь. Пока я пытался собрать воедино обрывки мыслей, из колодца бесшумно выплыла платформа. Едва мы успели перейти на нее, как платформа начала бешено опускаться.

Дззз... Дззз... Дззз... – трижды прозвенел таинственный звук, и вслед за этим громадная серая масса закрыла клочок неба над нашими головами.

– О чем вы думали? – спросил меня старик, – Задержишься я еще на минуту и было бы уже поздно, ведь мы попали на последнюю платформу!..

Легкий толчок. Движение прекратилось.

Мы были в настоящем подземном городе. Широкие улицы, множество народу, трамваи, автомобили – жизнь значительно более оживленная, чем там наверху.

– Простите, – обратился я к своему спутнику. – Я чужестранец, впервые в вашем городе. Объясните же мне все, что происходит вокруг.

– Вам, конечно, известно, что мы воюем с Восточным союзом, – начал старик. – Только что прозвучавшие сигналы предупреждали о налете их воздушной эскадры...

– Извиняюсь, – перебил я старика. – Не откажите сообщить мне, в котором году... – тут я немного замялся... – происходят все эти события?

– В 2025 году, – отвечал он, – хотя должен заметить, что ваш вопрос меня удивляет...

– Сто лет, сто лет! – заволновался я, – Не знаю, как это произошло, но, по-видимому, я спал в течение ста лет... Ведь я родился и конце девятнадцатого столетия и жил в двадцатом. Последний день, проведенный мною до этого рокового сна был весной 1924 года.

– Это, действительно, очень странно, – согласился старик. – Мне никогда не приходилось слышать о столь продолжительном летаргическом сне.

– Вы понимаете, что для меня все окружающее совершенно незнакомо, и я хотел бы просить вас...

– Объяснить вам подробно все происходящие вокруг события? Я весь к вашим услугам. Мы скоро придем.

Мы шли по улице. Было совершенно светло. Дул немного свежий ветер.

– А вот и мое жилище, – произнес после недолгого молчания старик. – Запомните нетрудно: «5-й ярус. Улица 47-го колодца, дом 32». Идемте.

Как во сне последовал я за любезным хозяином.

Вот я уже у него в кабинете, сижу на диване. В голове дикая пляска мыслей. Вспоминаются милые лица близких друзей...

III

Подземный город

– В середине прошлого, двадцатого века, – начал старик, – земной шар представлял из себя гигантское поле битвы. Война следовала за войной. Техника в то время была уже на высокой ступени развития. Она создала различные военные воздушные корабли, удушливые газы, удивительной силы взрывчатые вещества, дальнобойные орудия. Военные действия происходили главным образом в воздухе. Налет эскадры аэропланов в несколько тысяч аппаратов буквально сметал с поверхности земли целые города.

По вычислениям одного из современных историков, в течение нескольких лет периода самых ожесточенных войн погибло более половины населения нашей планеты. Подумайте только, миллиарды жизней...

Затем наступил период затишья. Оставшиеся в живых образовали один Международный Союз. Жизнь начала возрождаться. В начале 21-го столетия некоторые народы отделились от Международного Союза, образовали свой Союз и начали борьбу с нами.

Вы представляете себе...

Опять налеты воздушных эскадр, разрушенные города... Только при современном состоянии техники это было бы еще более ужасно...

Что делать? Пока наш противник готовился к войне, мы пошли на крайние меры. Мы выстроили подземные многоярусные города и проводим в них теперь большую часть своей жизни.

– Почему же у вас здесь так светло, как на поверхности земли? – спросил я.

– Все подземные улицы освещаются электричеством. Через особые трубки, наполненные разряженным газом, пропускают электрический ток; происходящее при этом свечение создает полную иллюзию солнечного света.

– Подобные трубки имели некоторое распространение и у нас в... – я немного подумал, – прошлом столетии. Их называли трубками Мура.

– Возможно.

– Ну, а отчего у вас здесь такой свежий воздух?

– У каждого колодца имеется сильный воздушный насос, который всасывает с поверхности земли воздух и направляет его струи вдоль улиц. Кроме того, мы пользуемся особыми вентиляторами...

– Хорошо, – согласился я, – ну а если неприятельские аэропланы сбросят бомбы с удушливым газом, ведь к вам в подземный город станет поступать отравленный воздух.

– Прежде чем попасть в галереи, воздух из насосов проходит через ряд очистителей, которые поглощают все вредные примеси.

– Еще один вопрос. Чем объясняется однообразно-серая окраска в части города над поверхностью земли?

– Мы принимаем меры, чтобы замаскировать положение спускных колодцев. При однотонной окраске всех предметов неприятельским самолетам трудно ориентироваться.

– Понимаю. Но ведь снаряды все же могут попасть в покрытия, закрывающие вход в подземный город. В таком случае произойдет катастрофа.

– Для предупреждения подобных несчастий мы имеем специальные электромоторы, которые создают быстрое движение воздуха над колодцами, а эти воздушные вихри отбрасывают снаряды в сторону.

Я сидел, прижавшись к спинке дивана. В окно, выходящее на улицу, врвался поток холодного, яркого света.

– Вот почему они все такие мертвенно-бледные, – подумал я – Они живут под землей, лишены ласковых лучей солнца.

– Вас, конечно, заинтересовали сигналы, предупреждающие о появлении неприятельской воздушной эскадры, – продолжал после некоторой паузы старик. – По всей нашей территории имеется ряд наблюдательных радиостанций. Неприятельские воздушные суда летают обыкновенно на высоте 15–20 километров, то есть столь высоко, что их не только нельзя увидеть, но даже шум пропеллеров совершенно не слышен. На наших

радиостанциях имеются «автоматические уши», которые улавливают колебания воздуха, вызываемые движением аэропланов, и дают возможность определить направление их полета. Посредством электромагнитных волн станции тотчас же сообщают о своих наблюдениях. Получив такое извещение о полете аэропланов в нашем направлении, городская радиостанция дала сигналы, предупреждающие население о грядущей опасности. При первом же сигнале все бросились к колодцам; «воздушные мотоциклетки», трамваи тоже поспешили скрыться в подземном городе. При третьем сигнале крышки колодцев были герметически заперты.

Я вскочил и горячо пожал руку своему спасителю.

– Вы представить себе не можете, проговорил бледный старик с горечью, как тяжело жить в такой обстановке. Я астроном по профессии. Кажется, ни разу еще мне не удалось довести свои наблюдения до конца. А сколько раз разрушалась моя обсерватория...

Сегодня, услышав первый сигнал, я продолжал свои наблюдения – не мог оторваться от работы. И только со вторым сигналом бросился к ближайшему колодцу.

– И при этом спасли меня, – добавил я и еще раз пожал ему руку.

– Отчего я не остался наверху? – опять промелькнула назойливая, мысль. – Лучше мне было бы погибнуть, чем жить в подземном городе среди этих странных, бледных людей...

– Каков же смысл воздушных налетов, если всегда все население успевает скрыться? – спросил я, спустя несколько минут.

– Они пытаются сделать десант и проникнуть в подземную часть города. Но не думаю, чтобы им это удалось. Наши боевые аэропланы и артиллерия сумеют отогнать врагов.

– Значит, теперь происходит бой в воздухе?

– Да, конечно.

Вдруг странное желание засверлило мой разгоряченный мозг. – Лететь на боевом аппарате, принять участие в великой воздушной битве!.. А если смерть? Все равно. Даже, пожалуй, лучше, чем жить здесь без родных и друзей, без милых лучей Солнца.

Я обратился к старику со своей просьбой. Он долго меня отговаривал, затем, пожав плечами, согласился, видимо, поняв мои переживания.

Он позвонил по телефону своему знакомому, одному из начальников воздушной охраны, и после короткого разговора подучил его согласие.

– Идемте!..

IV Бой в воздухе

– Номер 135-й готов к отлету, – раздался сзади меня чей-то голос.

Мы стояли в конце улицы, у колодца, старик астроном, мой любезный хозяин, его приятель, один из командиров воздушной охраны, еще несколько военных и я.

Откуда-то снизу бесшумно подошла платформа.

На ней стояли два аэроплана.

– Садитесь!..

Трое военных направились к металлической птице.

Я последовал за ними.

Крепкие пожатия руки, несколько слов с пожеланием успеха и... дверца каюты захлопнулась.

– Почему каюта закрывается герметически? – спросил я.

– Иначе нельзя... Высота подъема до 20 километров... Воздух разрежен... Здесь в баллонах сжатый кислород... – последовал ряд отрывочных ответов. Я понял, что нельзя беспокоить моих спутников вопросами и прильнул глазами к одному из боковых окон.

Платформа дошла до верху. Остановка на минуту. Шум открывающихся и закрывающихся крышек. По-видимому, принимаются меры, чтобы не впустить в колодезь удушливые газы, которые могут быть в воздухе.

Вот заработали пропеллеры – и мы стремительно поднимаемся кверху... У меня закружилась голова...

Что это? Сзади нас летит второй аэроплан, который вместе с нашим поднимался на платформе. Кто же им управляет, – ведь я заметил, что в нем не было летчика...

Видя изумление, написанное на моем лице, один из военных сообщил лаконически:

– Это наш автомат. Мы управляем им с помощью электромагнитных волн из этой каюты.

Я вспомнил, что еще сто лет назад поговаривали о таких автоматах.

– Он начинен взрывчатым веществом, – продолжал военный. – Мы направили его на неприятельское судно и произведем взрыв.

Вдали показались очертания нескольких десятков металлических птиц. То был неприятель.

Заметив наше появление, к нам навстречу направлялся один из врагов.

– Автомат!.. – раздался голос нашего командира.

Мы резко повернули назад и стали спасаться бегством, в то же время поднимаясь все

выше и выше.

Неприятельский автомат скрылся из виду.

Покружившись в воздухе несколько десятков минут, мы вдруг начали резко опускаться, снова приближаясь к врагам.

Поворот соответствующего рычага одним из военных, – и сопровождавшая нас птица, начиненная взрывчатым веществом, полетела, чтобы погибнуть, сея вокруг себя смерть.

Сотрясение воздуха... Осколки неприятельского самолета стремительно ринулись вниз...

Железная воля командира управляла нашим кораблем. Вот уже около часу мы лавируем, то поднимаясь, то опускаясь, стреляя в неприятеля, избегая их выстрелов и, главное их автоматов.

Вдруг, совершенно неожиданно справа около нас вынырнул неприятельский аэроплан, а почти тотчас же второй самолет появился слева. Вдали видны были еще приближавшиеся к нам враги.

На лице у командира выступил холодный пот.

– Нас окружили! – воскликнул он.

Самые хитроумные маневры не помогали. Спасения не было.

– Отмстим же за нашу гибель, – произнес решительным голосом командир, и твердою рукой направил наш аппарат на крупнейший неприятельский аэроплан.

Страшный толчок... Все закружилось и я полетел вниз с высоты 15 километров.

V

Пробуждение

Открыв глаза, я с изумлением оглядывался вокруг. Я лежу на полу у своего письменного стола. Невидимому упав со стула, я больно ударился головой.

Что со мной? Неужели я погиб при столкновении воздушных судов?

Ах, да... Вспомнил... Вчера вечером я зачитался о войне будущего... Значит все виденное мною был сон.

Быстро вскочив с полу и потирая ушибленную голову, я подошел к окну.

Ласковое весеннее солнце улыбалось мне. С улицы доносились милые, знакомые звуки. Мощный гудок завода, задорные звонки трамвая, грохот катящейся по мостовой телеги, голоса людей...

Неужели то, что я видел во сне, когда-нибудь осуществится в действительности? И мне снова представился подземный город, бледные лица его обитателей, ужасный бой в воздухе.

– В течение нескольких лет периода самых ожесточенных войн 20-го столетия погибло более половины населения нашей планеты... Миллиарды жизней... – звучал у меня в ушах тихий голос старика.

Да. Сказочно быстро развивается современная техника. Неужели же ее славные достижения обратят человечество в орудие массового уничтожения себе подобных, а победа над воздухом принесет только груды развалин и море крови?..

Да не будет этого! Я твердо верю, что светлое царство труда будет уделом наших потомков, а слово «война» отойдет в область далекого прошлого – им будут интересоваться только историки.

НЕВЕДОМОЕ

1

Телепатия

Что же такое телепатия?

Не правда ли, это слово напоминает вам телефон, телеграф, телескоп...

Все они имеют корень: «теле», что значит по-гречески «далеко». «Патос» (от него произошла вторая часть исследуемого слова) в переводе с греческого на русский язык значит «ощущение».

Следовательно, все слово означает предупреждение при помощи какого-нибудь ощущения о чем-либо происходящем вдали.

Знаменитый французский астроном Камилл Фламарион в течение свыше 30-ти лет собирал сведения о телепатических явлениях и выпустил интересное исследование под названием «Психические загадки и область неведомого».

В журнале «Анналы», где впервые печаталось оно (1899 г.), Фламарион поместил обращение к читателям с просьбой сообщать о подобных случаях, свидетелями которых они оказались сами и достоверность коих могла быть подтверждена. В течение года ученый получил 4.280 писем, из них 1.758 содержали более или менее подробные сведения о телепатических явлениях.

Особенно ярки и многочисленны случаи телепатических явлений умирающих.

В выпущенной книге Фламарион приводит 180 таких случаев, из числа фактов, сообщенных его друзьями и людьми, заслуживающими доверия.

Я привожу на выдержку три из них:

1. Случай, рассказанный неким Контамином.

Сидя однажды у себя в комнате перед зеркальным шкафом и надевая ботинки, он увидал вполне явственно в этом зеркале, что дверь сзади него отворяется и один из его близких друзей входит в комнату в изысканном вечернем туалете. Контамин оборачивается, протягивает к нему руки, но, к величайшему изумлению, никого в комнате не находит. Тогда Контамин выбегает мигом из комнаты и кричит слуге, находившемуся как раз на лестнице:

– Вы встретили сейчас г. Х., вышедшего от меня? Куда он пошел?

– Я не видел решительно никого, уверяю вас.

– Как так? Да он сию минуту вышел от меня.

– А я совершенно уверен в том, что никто не входил сюда и не выходил отсюда.

Контамин, сильно заинтригованный и взволнованный, начал предчувствовать какое-то несчастье. Он навел справки и узнал, что его друг, совершив по неосторожности убийство и опасаясь судебных преследований по этому поводу, лишил себя жизни в тот самый момент, как явилось видение и в том самом костюме, в каком его представило зеркальное отражение.

2. В 1866 г. Пауль Л., преподаватель немецкого языка в С.-Петербурге, находился вместе со своим братом у матери, в Пруссии, на некотором расстоянии от одной деревушки, где проживала их сестра, слегка хворавшая в то время.

В одно прекрасное утро, 17-го сентября, оба брата прогуливались по открытому полю, как вдруг Пауль услышал голос, дважды назвавший его по имени; при третьем зове и другой брат также услышал голос, вполне отчетливо произносивший имя «Пауль». Тревожимые мрачным предчувствием, так как место было совсем безлюдное, оба брата поспешили вернуться домой; здесь они нашли телеграмму с уведомлением, что положение их сестры неожиданно ухудшилось и она находится при смерти.

Пауль Л. немедленно отправился к сестре вместе с матерью, в дилижансе.

По дороге, в четыре часа пополудни, он увидел вдруг перед собой образ сестры, коснувшейся его, пройдя через экипаж.

Тогда у него явилось несокрушимое убеждение, что сестра его скончалась, и он сообщил об этом матери, точно отметив время. По прибытии на место они узнали, что сестра действительно умерла в тот самый час, как появился ее образ, а утром призывала брата во время агонии.

Автору этой статьи самому приходилось неоднократно слышать о телепатических явлениях умирающих. Приведу случай, рассказанный мне моей матерью:

– Это было лет 25 тому назад. В том же доме, где жили мы с матерью, но этажом ниже, помещалась квартира моей тетки; с ней вместе проживала бабушка, уже очень старая и часто хворавшая.

Однажды моя мать проснулась часов в пять утра от ощущения чего-то ужасного. Ей казалось, что какая-то сила старается сбросить с нее одеяло. Она сразу же подумала о бабушке и начала энергично одеваться, но не успела еще надеть платье, как раздался звонок, и ее сестра сообщила, что несколько минут тому назад бабушка скончалась.

Некоторые вообще склонны отрицать существование телепатических явлений.

Однако трудно поверить, чтобы тысячи людей занимались сочинением сказок, тем более, что мы можем указать среди них десятки имен; пользующихся вполне заслуженным доверием.

Фламарион, собравший сведения о громадном числе телепатических явлений, пишет по этому поводу: «Мы устраняем предположение, что все эти рассказы сплошь выдуманы для одурачивания родных и знакомых, которым они передавались. В некоторых из приведенных мною случаев имеется несколько свидетелей; в других – наблюдатель бывал так потрясен испытанным впечатлением, что занемогал от этого. Часть фактов были мне сообщены лицами, в искренность которых я верю столько же, как в самого себя. Большинство писем, доставленных мне, представляются также вполне добросовестными.

Знаменитый французский астроном и физик Лаплас сказал по вопросу о телепатии: „Мы так далеки от познания всех сил природы и их различнейших способов действия, что было бы не особенно достойно философа отрицать существование явлений только лишь потому, что они необъяснимы при современном состоянии наших знаний“.

В дополнение к словам Лапласа, мы еще раз подчеркнем, что необъяснимое сегодня будет подробно изучено завтра.

Некоторые высказывают предположение, что телепатические явления есть не что иное, как ряд случайных совпадений. Однако, опираясь на теорию вероятностей, можно доказать математически точно, что процент возможных случайных совпадений во много, много раз меньше числа отмеченных фактов.

Итак, остается признать, что телепатические явления существуют.

Теперь, спрашивается, чем же они объясняются?..

Одни пытаются основываться на религии, другие – верят бредням оккультистов о существовании астрального тела, способного отделяться от нас и производит те или иные действия, третьи – вообще приписывают эти факты „чуду“.

Мы совершенно не согласны ни с первыми, ни со вторыми, и тем более возражаем третьим».

2

Научное объяснение телепатических явлений

Я обрезал себе руку и ощущаю в ней острую боль. Но, действительно ли у меня болит рука?

Нет, оказывается, что чувство боли рождается в мозгу. Если бы мы перерезали нервы, связывающие пораненное место с мозгом, мы не испытывали бы ни малейшей боли.

Все впечатления окружающего мира, как-то: свет, звук, вкус и пр., всегда возникают в нашем мозгу и только инстинктивно, по привычке, мы относим их в тому или иному органу.

Люди с ампутированными конечностями часто испытывают ощущение, как будто бы эти члены существуют: то они чувствуют колотье в том или ином отсутствующем пальце, то появляются ревматические боли в несуществующей ноге и т. д.

Еще двадцать пять лет тому назад Фламарион, а несколько позднее французский ученый А. Фуйе, высказали предположение, что возникшие в нашем мозгу впечатления, вызывают в окружающем пространстве особые излучения, волны, которые передаются по все возможным направлениям; Фуйе сравнивал их с волнами беспроводного телеграфа.

Исследования последнего времени, произведенные Крисом, Ферворном и известным русским ученым, академиком П.П. Лазаревым, с несомненностью указывают, что нервные возбуждения, передаваемые по нервам до мозга, сопровождаются электромагнитными волнами, которые распространяются в пространстве со скоростью света (300 000 километров в секунду).

Несомненно, излучаемые человеческим мозгом волны могут быть восприняты тем или иным способом; во всяком случае они могут оказывать воздействие на другой человеческий мозг.

Однако для наличия указанного выше воздействия необходимо известное сходство в строении некоторых воспринимающих частей, одинаковая «настройка», как говорят музыканты и электротехники.

Возьмите две струны, настройте их на одну ноту и ударьте по одной из них – вы заметите, что и другая начнет колебаться и издавать звук. Это явление носит название резонанса и хорошо изучено в физике.

Если имеется несколько десятков струн, издающих различные ноты, и раздастся звук, соответствующий тону одной из них, то начнет звучать только она одна, другие же будут безмолвны.

Явлением резонанса также пользуются электротехники для приемки электромагнитных волн.

У людей, долго живущих вместе, связанных общими интересами, по-видимому, некоторые части мозгового аппарата имеют одинаковую настройку (в унисон). На излучения мозга одного субъекта способен отзываться мозг другого.

Каждому из читателей приходилось замечать, как некоторая мысль, возникнув у одного из близких друг другу людей, тотчас же появляется у другого, и они оба одновременно произносят те же слова или, только что скажет один, как другой воскликнет:

– И я хотел сказать то же самое!

Почему телепатические явления чаще всего связаны со смертью?

Несомненно, в момент смерти человеческий мозг излучает значительно большее количество энергии, чем при обычных, менее сильных переживаниях; эти излучения и производят сильное впечатление, на некоторых родственников и друзей умирающего, удаленных на громадное расстояние.

Остается еще один вопрос: почему некоторые люди получают впечатление призрака, другие слышат звук, третьи – просто испытывают непонятное беспокойство?

Вероятно, это зависит и от характера излучений умирающего и от субъективных особенностей человека. Мы еще раз подчеркиваем, что все впечатления (звук, свет, боль и т. д.) рождаются в нашем мозгу, и мы можем, восприняв те или иные излучения, получить полную иллюзию звука, увидеть какие-либо предметы, тогда как окружающие нас люди ничего подобного не будут замечать.

3 Гипноз

Если телепатические явления вызывают сомнение у некоторых читателей, то относительно гипноза не может быть двух различных точек зрения.

Возможность внушения, подчинения одного человека воле другого, в настоящее время признается всеми; гипноз даже широко применяется в медицине.

Опишу один гипнотический сеанс, свидетелем которого пришлось быть автору этого очерка.

Гипнотизер усадил на стулья, расставленные полукругом, шесть человек, затем сам расположился в центре и начал пристально смотреть то на одного, то на другого гипнотизируемого, делая в то же время движения рукой и приказывая им уснуть.

Постепенно сон овладевал подвергнутыми опыту субъектами; минут через пять уже у всех были закрыты глаза.

– Встаньте! – раздалась команда.

Пятеро встали – двое или трое очень быстро, для остальных пришлось несколько раз повторить приказание, и только один молодой человек упорно не подчинялся чужой воле. Гипнотизер устремил на него свой пристальный взор... Слегка вздохнув, встал, наконец, и этот непокорный.

– Вам холодно, дует сильный ветер, вы кутаетесь потеплее в пальто, стараетесь защитить лицо, – снова прозвучал голос гипнотизера.

Одни из подвергнутых опыту начали ежиться, стараясь прикрыться одеждой, плотнее надвинуть головные уборы; движения других были менее определены, и только один молодой человек не поддавался, по-видимому, влиянию гипноза.

Не желая расходовать значительное количество энергии, гипнотизер разбудил его и продолжал дальнейшие опыты с остальными.

– Солнце сильно печет, вам жарко, вы покрываетесь потом!..

И тотчас же все пятеро начали тяжело дышать, расстегивать платье, махать руками около лица, чтобы освежиться.

– Вы пришли на свидание, но «его» нет... вы взволнованно ходите, смотрите на часы и вздыхаете!

Одно за другим раздавались приказания, покорно исполнявшиеся загипнотизированными.

Чем же объясняется гипноз?

Несомненно, мозг гипнотизера излучает электромагнитные волны, которые и воспринимаются мозгом субъекта, подвергнутого опыту.

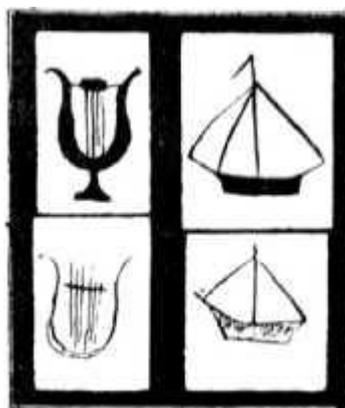
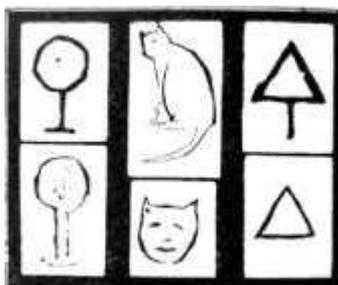
Разумеется, ее все люди обладают способностью излучать такое количество энергии, которого достаточно для подчинения других людей своей воле. Точно также не все одинаково воспринимают волны, идущие от гипнотизера.

Опыты, подобно описанным выше, с несомненностью доказывают, что все ощущения возникают в нашем мозгу.

Подобно тому, как колебание одной струны через посредство звуковых волн рождает колебания другой, определенные вибрирования некоторых частей мозгового аппарата одного субъекта производят соответствующие вибрации у другого и создают у него впечатление звука, света, ощущение тепла, холода, боли и т. д., которых в действительности, конечно, не существует.

Фламарион также приводит описание нескольких десятков случаев гипноза. Интересны опыты его друга А. Шмоля, одного из основателей Астрономического общества во Франции. Задача Шмоля состояла в том, чтобы заставить загипнотизированное лицо угадать и нарисовать предмет, задуманный и нарисованный им самим в месте, невидимом для субъекта, который находился в той же комнате, повернувшись спиной к столу и с завязанными глазами.

Мы приводим здесь несколько из опытов, оказавшихся наиболее удачными. Верхние рисунки – соответствуют предметам, изображенным гипнотизером, нижние – нарисованы подвергнутому опыту субъектом.

«Все эти исследования показывают нам, что разум может угадывать, видеть без участия вашего глаза» – восклицает Фламарион.

Очень интересны опыты мысленного внушения на расстоянии. Гипнотизер, находясь в нескольких километрах от данного лица, сосредоточивает на нем всю свою энергию и отдает приказание.

Так, например, французом Жибером был произведен опыт, при чем в его задачу входило усыпить субъекта издали и заставить его пройти к усыпителю через весь город.

При этом были приняты следующие предосторожности.

- 1) Точный час действия на расстоянии определялся жребием.
- 2) Он сообщался Жиберу лишь за несколько минут до срока, и тотчас вслед за тем члены комиссии отправлялись в помещение, занятое субъектом.
- 3) Ни субъект, никто другой из находившихся в этом помещении, расположенном на расстоянии около километра, не имел сведений ни о назначенном часе, ни даже о характере опытов, которые должны были производиться.

Все опыты блестяще удались Жиберу.

Теперь невольно является вопрос, нет ли какой-нибудь связи между телепатическими явлениями и гипнозом на расстоянии?

Конечно, есть.

В обоих случаях мозговой аппарат одного лица излучает волны, проходящие значительное расстояние и воспринимаемые другим.

Заключение

Когда американский ученый Лоренц Харль высказал предположение, что бабочки, светляки и некоторые другие насекомые способны сноситься друг с другой посредством испускаемых ими электромагнитных волн, – это не вызвало удивления у читающей публики.

Будем же последовательны. Если насекомые способны создавать волны электромагнитного характера, то отчего же мозг человека не может производить подобных излучений?

Несомненно, настанет время, когда наука подробно познакомит нас с этой интересной областью. Мы твердо верим, что это будет в самом непродолжительном времени.

Пока же нам остается ждать и рисовать себе картины возможного будущего, когда люди, детально исследовав излучения мозга, приобретут способность обмениваться мыслями, не прибегая к помощи слов или отправлению писем и телеграмм, а исключительно телепатическим способом...

РЫМКЕВИЧ
ПАВЕЛ АДАМОВИЧ
(1896 - 1975)

Биография

Блистательный популяризатор науки, ученый, автор ряда научно-популярных книг, учебника физики, по которому училось не одно поколение школьников, профессор Ленинградского института железнодорожного транспорта (а в последние годы жизни преподавал в институте водного транспорта). Однако мало кому известно, что в свободное от преподавательской и научной деятельности профессор Рымкевич сочинял фантастические (и не только фантастические) рассказы, которые, начиная с 1922 г., публиковались в центральных журналах.